

СМЕНА

12
1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В этом цехе тридцать лет назад Бригада Михаила Путина подписала первый в истории договор на социалистическое соревнование. Сегодня эстафету старшего поколения с честью несут молодые рабочие из бригады Николая Воронина, завоевавшей право называться коммунистической.

Здесь
НА ТРУБОПРОКАТНЫХ СТАНАХ
РАБОТАЕТ БРИГАДА
Коммунистического
ТРУДА

ЗАКОН
КОММУНИСТИЧЕСКИХ
БРИГАД
ПО-ЛЕНИНСКИ РАБОТАТЬ,
УЧИТЬСЯ И ЖИТЬ!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЮНОСТИ

Летом тысяча девятьсот двадцать девятого года на ленинградский завод «Красный выборжец» приехал Алексей Максимович Горький. Писатель ходил по цехам, беседовал с рабочими, вникал в жизнь коллектива. В ту пору красновыборжцы ощущали нехватку цветных метал-

Фото
В. Тарасевича

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ.
Июнь. № 12. 1959 год.

Год
издания
38-й.

лов. Желая помочь родному заводу, рабочие и инженеры организовали переработку шлама — отходов электролиза. Из отходов, которые, казалось, уже никогда не принесут пользы, стали извлекать золото и серебро.

Горючий очень внимательно слушал рассказы красноярских рабочих об этом начинании, а через несколько дней прислал на завод письмо:

«Многое на «Красном выборщике» удивило и обрадовало меня, а больше всего — шламовое производство. И не только потому, что из мусора и грязи рабочие добывают серебро и золото. Разумеется, это удивительно, но я обрадован и скрытым смыслом процесса. Вот так, из грязи и сора прошлого, из хаотического наследия буржуазии, рабочий класс должен выдвигать и уже выделяет все то высокоценное, действитель-

но культурное, что создано веками труда и войдет в новую культуру, которую строит рабочий класс».

Эти замечательные, полные глубокого смысла слова вспомнились нам на вчерне трудовой славы, который состоялся недавно в заводском клубе.

Красноярские борцы — народ именитый, им есть чем гордиться, есть о чем рассказать. Коллектив богат революционными и трудовыми традициями. Но в ряду памятных событий в истории предприятия есть два, которым суждено было стать этапными...

На вчерне в заводском клубе, где собрался люд нескольких поколений, присутствовал Михаил Елисеевич Путин. Три десятилетия назад его имя облетело всю страну. Вместе со своими сверстниками и товарищами по бригаде обрубщиков весной двадцать де-

Михаил Елисеевич Путин — частый гость в бригаде Николая Воронина. Старый кадровик ревниво следит за успехами молодых красноярских борцов.

Парни из бригады И. Воронина заступают на смену. Молодыми хозяевами идут они по запытому солнцем цеху.

автого года М. Е. Путин подписал первый в истории договор о социалистическом соревновании.

Здесь, на Выборгской стороне, впервые вспыхнула искра, разгоревшаяся в пламя неодолимого движения нашей эпохи.

Картина, запечатлевшая этот незабываемый момент, и по сей день висит в заводском клубе: гитаро обрубщиков, простые рабочие, обсуждают вызов, который потом разнесется из края в край Отчины.

— Когда меня пригласили прокатчики из бригады Николая

Хорошая дружба связывает студента Политехнического института Дмитрия Шахова (справа) с рабочими цеха Андрея Купавцевым, Дмитрием всегда готов помочь Андрею в учебе, а молодой рабочий щедро раскрывает товарищу «тайны» своей профессии.

Воронина в родной цех, где тридцать лет назад им подписывали первые социалистические обязательства, и испытал глубокое волнение, — сказал на вечер Михаил Елисеич Путин. — Ведь родилась бригада коммунистического труда! У ленинской идеи соревнования вечно живая, неистощимая сила!

— А было это так.

В трубобресовом цехе узнали о поимке железнодорожников дедом Москва-Сортировочная. Николай Воронин и его товарищи пригласили Путина, посоветовались с коммунистами и решили принять обязательства.

— Как по батюшке-то тебя? — спросил Путин бригадира.

— Чего там, Николай, да и только!

— Нет, здесь разговор серьезный, так что кружо полное обращение! По всей форме!

Михаил Елисеич вел разговор о традициях красноборьцев, о том, что ребята берут на себя большую ответственность, принимая эстафету отцов.

Долго и придирчиво обсуждали каждый пункт, взвешивали каждое слово обязательства, чтобы не ударить, как говорится, лицом в грязь. И вот строка за строкой ложилась на бумагу:

«...Мы, наследники старой гвардии красноборьцев, должны достойно продолжать дело отцов, умножать их традиции...»

Когда Михаил Путин тридцать лет назад подписывал первый договор, обрубщики заботились о главной, но только об одной стороне дела — о повышении производительности труда. Николай Воронин и его бригада думали уже не только о том, чтобы лучше трудиться, но и о том, чтобы пересмотреть свое отношение к жизни, учебе, быту, чтобы в каждом поступке явственно проступали черты нового, коммунистического... Поэтому в обязательствах намечали, как шаг за шагом

Производительность труда — вот главное мерило, по которому можно судить о результатах работы. Трубопроектички обязались повысить производительность на десять процентов. Для достижения этой цели они решили использовать все средства: провести технические мероприятия, уплотнить рабочий день, передать смену на ходу, без остановки оборудования, бережно расходовать инструмент.

— Каждый из нас должен стать рационализатором, — заявили рабочие, — овладеть второй специальностью, продолжать образование, помогать школьникам, вести себя по-коммунистически. Таким было начало.

Нелегко, конечно, было первым, начинать новое дело. Но путь непоторенный, трудный — интересный; он доставляет больше радости, чем прямой, проторенный, знакомый. И этот путь не испугает тех, кто выступил в большой и славный поход.

Крепкая дружба связывает трубопроектичиков. Все они молоды, старшему среди них нет еще и тридцати лет. Но у каждого есть свой опыт, житейский и трудовой, армейская закалка, умение подбодрить товарища, прийти к нему на помощь. Девиз «одни за всех, все за одного» став правилом, которым руководствуются члены бригады.

Кажется, немного времени прошло с тех пор, как красноборьцы вступили в соревнование за право называться бригадой коммунистического труда. Но уже чувствуется большая сила коллектива, уже можно говорить о первых успехах.

Трубопроектички сдержали слово: они стали рационализаторами.

идти к победе коммунистического труда.

На заводе стало традицией проводить исследовательские опыты. И рабочие из бригады Воронина решили продолжить эту традицию; они дали волю разработать технологию и освоить изготовление новых сложных профилей медного проката.

У классной доски молодой рабочий Иван Бурмистров. Нелегко сочетать работу и учебу, но Иван твердо решил окончить политехнический техникум.

На первый взгляд эта фраза кажется обычной. Но какой смысл скрыт в ней! Каждый рабочий думает о том, как совершенствовать производство. И не только думает, рабочий настолько подготовлен технически, что может подсказать и рассчитать, как это сделать. Алексей Лазовский и Вячеслав Ядыкин предложили способ, позволяющий в пять раз быстрее менять срезные пильцы. По совету Леонида Артюшкина и Георгия Кирдуна изготовлены специальные стеллажи для хранения деталей и инструментов. Раньше туглки изготавливались из алюминия, а Олег Романов и Семен

Такие объявления — не радость в цехе, где работает бригада коммунистического труда.

бригад коммунистического труда. Здесь вместе с Михаилом Елисеевичем Путиным Николай Воронин выступал перед рабочими. Он говорил о том, как молодые красноборьцы приняли эстафету старшего поколения рабочего класса, как продолжают они юность отцов, развивают и множат их славные традиции.

Дорогой побед идет бригада Николая Воронина. Вместе с ней вышли на эту дорогу еще тридцать пять коллективов с «Красного выборжца», того самого завода, рабочим которого адресовал свое письмо великий пролетарский писатель тридцать лет назад.

Посмотри на эти снимки, читатель. Как много солнца не только в просторных цехах завода — как много солнца в лицах людей! Потому что солнце всегда с теми, кто встает на почетный путь борьбы, прокладывает дорогу в будущее, кто стремится работать по-ленински, учиться по-ленински и по-ленински жить!

М. ДИМОВ, Б. ГЛАГОЛИН
г. Ленинград.

В цех пришли школьники. Они решили овладеть навыками труда. Олег Романов (справа) с увлечением рассказывает девятиклассника Борису Симбе и Андрею Воробьеву о своей работе.

Семен Сергеев и Андрей Кулачев спешат к товарищам у Вербицких родиться доча! Надо поздравить счастливых родителей, а заодно вручить подарок...

Сергеев предложил способ прессовки их из латуни. В результате и туглки стали прочнее и производство их ускорилося.

И вот благодаря новому отношению и работе, творческим поискам бригада повысила производительность труда не на десять, а на семнадцать процентов!

Но можно ли добиться большого успеха в работе, если не учиться, не обогащаешь свою практику наукой, теорией? Конечно, нет. И, помня об этом, все в бригаде учатся: в институте, в техникуме, в вечерней школе.

Вскоре после того, как родилась бригада, был подписан примечательный документ — договор сотрудничества молодых красноборьцев и студентов-металлургов Политехнического института. Дружба эта приносит взаимную пользу. Студенты овладевают тонкостями профессий прокатчика и слесаря-наладчика, а молодые рабочие получают помощь в учебе, в точных творческих расчетах. Кроме студентов, у рабочих появились и новые друзья — школьники.

Рабочие из бригады Николая Воронина умеют великолепно трудиться и спорить в Эрмитаже о фламандской живописи. Они умеют охранять покой города, патрулируя на улицах с отрядами дружинников, умеют петь, танцевать и радоваться жизни, потому что она хороша сегодня, как никогда раньше!

—Весной вместе с делегацией завода Николай Воронин побывал в столице. Были красноборьцы и в депо Москва-Сортировочная, у инициаторов движения

Встреча рабочих завода с научными сотрудниками Эрмитажа была живой и интересной...

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Будни

Белый кирпич — бесконечная роспись.
Носим, а роспись все та же на вид:
Пачки спрессованного мороза.
Трешь — обожжешься, кинь — зазвенит!
Бьет по глазам ледяная пороша.
Сердце стучит: шевелится, торопится!
Носишь и носишь, носишь и носишь —
Будет надежный фундамент под жизни!

О моде

Мы тоже ходим в узких брюках,
У мод не будучи в плену,
Сделаем труднейшие науки
И покорим целину.
И несли наши лютые звонко,
Когда мы собираемся в круг,
Носишь, если влудру душонка
Поуже этих самых брюк.

Суть жизни

Лежал бы так.
Мечта,
Рядом с другом.
Усталый,
Весь соларкою пропахший.
Казалось небо
Васильковым лугом
А солнце —
Яркой маленькой ромашкой.
Дышала степь
Спокойно, глубоко,
И вдур!
Открылась жизнь суть пред нами:
В мечтах летая где-то высоко,
Все время землю чувствовать ногами.

Верность

Недалек этот день, этот час...
Я на землю, прощаясь, взглянул,
Диктор скажет:
— Внимание, сейчас
Пассажирский взлетит на Луну!
И тогда,
Не стыдясь своих слез,
Отправляясь в неведомый путь,
Как еще у дедов повелось,
Горсть земли я запрочу на грудь.

Герман КРЫЛОВ

Рассказ

САМОЕ

Нового техника директор привез на буровую в своей машине.

— Вот тебе, Валиуллин, подмога, — сказал он мастеру. — Готовь себе смену... И, чтобы сгладить неловкость, добавил: — Нам, стариком, надо думать об этом...

Новый техник с усмешечкой поглядел на злыбкого старика, который даже летом приходил на буровую в телогрейке, а шею выставлял свешившимся в жгут шарфом.

— Раз надо, будем готовить смену, — ответил Валиуллин.

На другой день Афзал пришел на буровую в новой кожаной курточке и, сунув руки в брюки, стал прохаживаться в ожидании перемены. На нас глядел как-то отчужденно, сависова, хотя было непонятно, чем ему гордиться. Не понравился он нам. И сам Валиуллин смотрел на него сердитыми, колочими глазами.

— С чего старик косится? Вроде я и провиниться не успел, — спросил Афзал.

— А чего тогда героем ходишь, будто рекорд поставил! — осадил его Ахсат.

Начали подним буровой колонны. Афзал не хитрил, не ждал, когда внизу отпадет «свечку» на «подсвечник», сам торопился набросить канат на трубу и изо всей мочи тянул ее на себя. Это понравилось нам. Валиуллин тоже завистил его старание.

Заклиная а элеватор концы буровых труб, Афзал свешивался до самых плеч. Ледяной ветер обдавал тело.

К концу яхты у парня разболелась голова. Едва он шагнул с последней ступеньки, мастер сказал отрывисто:

— Утром пойдешь за бюллетенем. Нечего одеваться, как на гулянку. В другой раз без телогрейки не допущу наверх.

Афзал пролежал с температурой целую неделю.

После болезни стал держаться скромнее, одевался, как все: поверх телогрейки горячячка брезентовка.

Вроде и зря мы встретили его с неприязнью. Парень не жаловался на кровяные мозоли. С неприязнью у него ныли спина и плечи, но он старался казаться бодрым, неутомленным.

И все же мы сомневались в том, что парню придется по нраву ездить в степь на вахту за сорок километров от поселка, при любой погоде без крыши над головой отгаскивать, свинчивать и развинчивать увесистые трубы. На буровой за какую деталь ни возьмись, весит она сотни килограммов.

Но все шло хорошо. Уже через месяц Афзал сумел войти в ритм скоростной работы.

Как-то он попросил мастера:

— Помогите мне погнать квартиру. Женившись собираюсь.

— На ком? — поинтересовался Валиуллин.

— На Зайтуне, нормировщик, бойкую, шумливую девушку, которая и грубого парня осадит и начальника переспорит!

Намерение Афзала зажить по-семейному, своим домом понравилось мастеру. Однако старик сразу ничего не сказал. Но уже на следующий день потребовал в буркоме ордер для верхового.

Всю бригаду пригласили Афзал и Зайтун на новоселье и свадьбу.

Дом из деревянных брусков был таким новым, что стены, еще не оштукатуренные, сохлились яланной смолой.

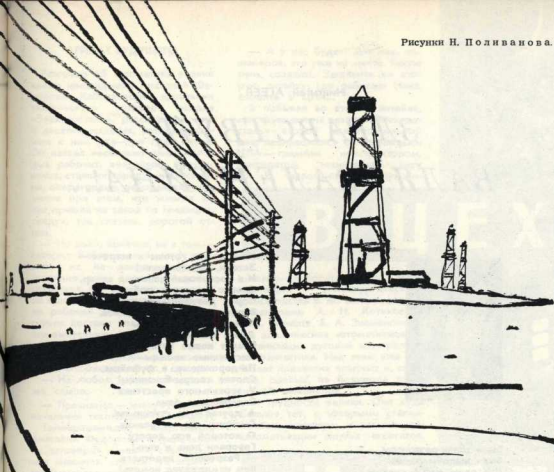
Гости дарили молодоженам что-нибудь необходимое для хозяйства... Мы осматривали комнаты, щупали горячие радиаторы, заглядывали в стеновые шкафы. В ванной Афзал зажг газовой горелку. Он то уменьшал, то увеличивал подачу газа — и вода из крана лилась то теплая, как летний дождичек, то горячая, то совсем холодная.

Подхлел и Валиуллин на гузавоно, а в кузове — будет. Всей бригадой отскакивали его в квартиру молодоженов. И так-то ладно встал он у широкой стены, будто его только и не доставало!

В поселке один магазин, и все знали: Буфет стоил две тысячи рублей.

— Не знаю, чем отблагодарить вас, Мурад-Гам Фасхутдинович, — говорила Зайтуня.

— Когда у вас день рождения? — спросил Афзал мастера.

Г Л А В Н О Е

— Не за что благодарить... И у меня была свадьба. И нам дарил вещи. Если хочешь расквитаться, сделай, Афзал, как скажу: станешь мастером, доживешь до моих лет, будет свадьба в твоей бригаде, привези такой же подарок молодым. Вот и будем квиты.

До чего же хорошо гуляло в той чистенькой квартирке с серебристым налетом на стенах!

Дружно зажгли молодые после свадьбы. На работу Афзал приходил с кирзовою сумкой. Чего только не было в ней: и сочные перчатки, и бутылка молока, и добрый кусок вареной баранины!.. К мясу всегда была приправа — то солёные огурчики, то квашеная капуста.

При тяжелой работе на свежем воздухе разыгрывался волчий аппетит. Сумка, пузатенькая с утра, после перерыва походила на футбольный мяч, из которого вылетали воздух. Зато Афзал наливался силой. Работал он без устали, трубы ворочал играючи, всегда вовремя успевал принимать и закреплять их.

Частенько мастер, запрокинув голову, любовался ладной работой дождя и ветра. Иногда Валиуллин ставил Афзала к ротору на место помощника бурьдильщика. Тут парня обдавало брызгами глинистого раствора, и недо было проявлять сноровку, чтобы вовремя подхватывать вырвавшуюся из замка, расквашивающуюся над ротором «стену». Когда рвались цели на ледяке, Афзал сам склепывал густо смазанные звенья.

— Руки не совести, испачкать не бойся! — поучал Валиуллин.

Мастеру нравился этот парня: лицо продублено ветром, красное и жесткое, брезентовка насквозь пропитана машинным маслом. Подошло время идти верховому в первый отпуск. Валиуллин сказал:

— Завтра, Афзал, поезжай в Альметьевск на курортную комиссию. В Буровом комитете есть путевка в Крым.

— А дадут мне путевку? Скажут, первый год работаешь...

— Ты попроси по-хорошему, — улыбнулся мастер.

Крыпко спрашивал он работу. Нелегко бригаде доставалось первенство в соревновании. Зато во время отпуска ни один буровик из

передовой бригады не оставался без путевки в санаторий или дом отдыха. С курорта Афзал вернулся в конце марта. Он всех удивил своим видом. Глаза блестят, щёки блестят, того и гляди, лопнут. Такой загорелый, какими буровики бывают только к концу лета. И еще одну перемену в нем заметили: над бровями белые полосы — брови подбриты!

— Эх, Валиуллин! Ах, товарищи, хорошо у моря! — восторгался Афзал, а сам против волосок поглаживал тонкие брови, чтобы распушить их. — Всю зиму в одних рубашках работать можно. Вот где бурить бы! И премияльных не надо.

Он впервые побывал на юге и весело рассказывал о чудесном крае. Но однажды приехал на смену печальный, испуганный, без кирзовою сумки, с куском черного хлеба и кирпичиком плавленого сыра. Мы сразу поняли: у парня в семье что-то неладно. Но ничего это не встревожило: мало ли что бывает у молодых! Милые бранятся — только тешется, утром поругались — к вечеру помиряется.

Скажину бригада закончила с ускорением, впереди была целая неделя отдыха. Мы решили съездить в город. Ожидая автобус, сидели у котюры на жердях ограды, будто гречи на проволоке, и грелись на солнышке. Напротив, возле дверей котюры, красовалась новенькая доска почёта с фотографиями бурьдильщиков нашей бригады.

— Вас-то мне и надо, голубчики! — прикричал заведующий буровой площадкой Сериков, прилькнувшись к нам.

— И что вас тянет, как птицу, на жерди! Вот же сквамки. Доломали одну ограду и эту хотите... На свои портретки любуетесь! Самосушались! А ну, пройдите в котюру! Все, все...

В своем кабинете Сериков принялся распекать мастера:

— Увлекайся, Валиуллин, метрами проходи, а о людях забудь! Твоей верной жене выпал из дому. Вот какие у тебя показатели по линии воспитательной работы! Для кого ты запрашивал квартиру!

— Постой, Сериков, — перебил Газинур, — ты только объясни: в чем дело?

— Нет уж! Сами разбирайтесь, раздетый! Вот где вы теперь у меня! — Он ударил себя по щеке ладонью. — На кой черт строить города, если дети в них без войны остаются скротами! Правильно я ставлю вопрос, Валиуллин!

— Правильно, товарищ Сериков, — в замешательстве проговорил мастер.

— А раз правильно, так занимайся воспитательной работой. И вы тоже...

Как раз в это время подошел автобус, но до него ли нам теперь было...

На пути к дому Афзала Газинур возмущался:

— При чем тут строить города или не строить? Зачем кричать!

— Надо кричать! — аккомпанил Валиуллин. — Я квартиру выхлопотал ему, чтобы семья была крепче. Старался сделать, как лучше, и опозорился. Видно, из ума начал выживать. Ты, Газинур, в армии офицером служил...

— Не офицером, а старшиной роты.

— Все равно. Ты в техникуме учился.

— Так всего один год!

— Все равно ты больше меня знаешь. Ты и vedi с Афзалом воспитательную работу.

— Его воспитывать! — возмутился Асхат. — Морду набить — и порядок.

Дверь открыл Афзал. На лице высокомерное выражение. Как и в первую встречу, подумалось нет, не мыши он парань.

— Где жена! — Асхат схватил Афзала за плечи и так тряхнул, что у того затрясло чуть не достал до спины.

— Сама собрала вещи и ушла, пока был на вахте. Уговариваю вернуться — не хочет. Тут одно письмо секретарша вручила не по назначению. Жена прочитала и сдурю приворожала. А там ничего особенного нет.

Верховой протянул измятый конвертик, пахнувший духами.

Письмо заканчивалось так: «Жду, обнимаю, целую миллион сто тысяч раз и один раз так, как никогда еще не целовала».

— За холостяка себя выдавай! — спросил Газинур.

Асхат было замаяхнулся, но Газинур перехватил руку и несколько секунд сжимал ее так, что у Асхата пальцы побелели. При этом Газинур молчал. Похоже на то, что он не знал, как вести воспитательную работу.

— Что хорошо, что плохо, ты должен знать. В школе ведь учили. В лепешку расшибешь, а жену вернишь! Учили!

...Валиуллину чудилось себя куда как неловко! Он уже не беседовал, не шутил с нами, на весь перерыв запирался в своем кабинете, за дощатой перегородкой.

Афзала мастер тоже не замечал. Это обижало парня сильнее ругани. Однажды, оставшись наедине с Валиуллиным, Афзал попытался заговорить:

— Мугалин Фасхутдинович, что было, то прошло. Больше не повторится...

— Бесовестный человек! Чего тебе надо от жизни! Видеть на хочу!

В Афзале теперь нельзя было узнать того самоуверенного парня, каким он пришел на работу. Переживания иссушили его, он осунулся, похудел.

Как-то мастер сказал Газинуру:

— Опасная работа чистых людей любит. Прошел месяц, другой. Простила Зайнута или не простила, мы не знаем, но молодые стали жить вместе. Каждые шестнадцать дней наша бригада садала по сваянке. Лето было ясным и нежарким. Ослепительные, сплошные облака проливались над кронблоком, и ветер не мешал работе.

Иногда в люльке Афзала начинала насвистывать веселый мотычек.

Прежде мастер, услышав свист, сейчас же обрывал:

— Эй! Сансунам не будет получки! Смотри майна-вира не прозавела...

Теперь Валиуллину не останавливала его. Может, старик решил, что из Афзала буровик не получится! Но почему? «Пупок у парня оказался крепким, жонксистые руки — цепочки. Парень с одинаковым терпением переносил жару и мороз, дождь и выгоу...

Зла на Афзала мы уже не имели, о прошлом не напоминали.

Правда, парень переживал неловкие минуты, когда разговор заходил о курортах.

Кто-нибудь вдруг задает Валиуллину вопрос:

— Мастер, что вы не выхлопочете путевку Афзалу?

Валиуллин повжикнется, крикнет и скажет:

— Путевками распоряжается бужком. Пусть туда пойдет завенено.

Поднимался такой безудержный хохот, какого не услышишь на самом веселом концерте. Дело в том, что культурно-бытовым сектором давно ведают Зайнута. Она распределяет путевки. А разве жена отправит на курорт мужа, который вышел из доверия!

У Афзала уже становился мальновым.

Только Валиуллину не смеялся, а ирчал и смотрел на Газинура с укориной, точно говорил: «Что же ты не ведаешь воспитательную работу?!».

Со временем прекратились бы и эти подковырки.

Однако Афзал ушел из бригады. Мы часто вспоминали его. Бывало, когда он работал, мы любовались. Рук он не боялся испачкать, руки можно отмывать.

Но руки не совести...

Николай АГЕЕВ

ЗДРАВСТВУЙ, ВАЛЯ, ВАЛЕНТИНА!..

Были топик-разговоры.
Были жалобы поной.
Что один, мол, узакеры
Обнимают край степной.

Десят, мы холостяками
Дожидем до седины
И не справится делым.
Где бы справиться с делым
Рук девчын,

Которых
Не хватает позарез!
Транктористы и шоферы
Только песин про невест
Распевают вечерам
У себя на целине:

«Было, девшник, бы с вами
Веселее здесь вдвойне...»
Смолчит песин.
Разбредется
По союзу тышина.

Огонек в окне проносится,
Сядет Виктор у окна
И письмо домой напишет
Старой маме в Кострому.
В замком слове так и дышит
Степь, что аверма ему.

А в конце — розное вечери,
Чтоб заметила она.
Спросит, будто между прочим,
Как живет там Кузьмина.

Сестричка Валентина —
Взлет некрашенных бровей,
Русокоя дивчнина,
Кто там сватается к ней!

Хорошо, что Валентина
Не читала этих строк.
А не то пельдь-вручню
Повеяла бы на Восток.

Но пока ответ по почте
К смыш шел издадека,
Зядрелки, испулли почин
На ветвях у тополя,

Привезенного том лето
В пришимовский союз.
И стоит он несприятный
В палкаде меж берез,
Перед домом в три окошка —
Общественный реб.г.

Скопелла бойва гармошка —
Ненадолго, говорит.
Третий вечер трактористки,
Всем приметам вопреки,
Белят стены, окна чистят,
С мылом моют потюлки,
И в домах соседних топе —
В общенктях молодеж —
Третий вечер напозеж
Генеральна уборка
По усад-бам, по задворкам.
Разурмяившись, идет.

Пять домов готовы к встрече —
Заходи, селись, живи!
И в воскресный день до вечер.

Словно в песне о любви,
Сорок девшник-красавиц
Входят разом в пять домов,
Половиц едва касаясь,
Вдоль клеенчатых столов.
Входят новые хозяйки —
Постоянные жильцы —

По-доромонку, в фуфайках,
Сестры-близнички!
У зеркального протестна
Задержался одна,
А другая — на ступеньках,
Смотрит: где же целница,
О которой было дорогу
Говорили день и ночь!

— Разрешите, недоторга,
Вам немножечко помочь!
Обнимаешь Валентина —
Не поверила глазам.

— Здравствуй, Валя, Валентина! —
Говорит ей Виктор сам.
Было он выбрит и наглажен,
И в зеркальных сапогах,
Валентина слова даже
Не промолвит вторюльки.

Все гладит не нагладится
На целинный орла.
А когда луч-реснички
Винс упали:

— Не ждала...
Не ждала в этой встрече,
Да судьбу не обидеши...!
Три минуты на крыльце —
Их уже не зачернешь,
Их не выношишь из жонки,

Двадц сердеч, стучащих в па!
Трудно будет — зубы стиснут,
Но оглашится назад!
...Ждут в союзе первой свадьбы!
А когда той свадьбы был!

За виновных я сказал бы,
Только надо их спросить.

Рисунок Л. Хайдова.

АГРЕГАТ БУДУЩЕГО

Разговор об автоматике возник как-то неожиданно. Анатолий Федорович Каблуковский, начальник технического отдела завода «Электросталь», рассказывал мне о десятиклассниках, которые пришли к ним два-три года назад. Он называл несколько имен молодых рабочих, вечерних выпускников, ставших хорошими слесарями, операторами, лаборантами, отметив при этом, что многие из них пришли на завод по традиции, следуя, так сказать, дорогой отца.

— Но дело, конечно, не в том, — говорил Каблуковский, — что привело их на завод — семейная традиция или просто желание трудиться. Молодой человек, если он принимает эстафету поколений на рабочей площадке, в любом случае достоин похвалы. Хорошо, что выпускники школ идут в цех: во главу угла. Нам очень нужна молодежь со средним образованием. Особенно сейчас, сегодня.

— На любом заводе скажут то же самое.

— Правильно, — кинул головой начальник технол. — А почему? Темпераментный, энергичный, Анатолий Федорович с увлечением заговорил о новых, совершенных машинах, станках, об агрегатах будущего, которые рождаются уже сегодня.

Он так и сказал: «агрегаты будущего». Я не придал этим словам особого значения. Их можно было отнести к категории тех выражений, которые в начале появлялись в разговорах о науке и технике.

— У нас во второй литейке, — продолжал Каблуковский, — работает Нина Рыбушкина — я вас еще познакомлю! Детинца пришла в цех года два назад, стала пультщиком на третьей электропечи. Так вот... Если говорить откровенно, два года назад для работы на пульте не нужны были десять классов. Хватало и шести! А сегодня пульт уже не тот. Кое-что на нем здорово обновили. Изменилась и электропечь. И требования к пультщику стали иными: повзрослели! Я уверен, Нине пригодились сейчас знания многих разделов физики... А что будет года через три-четыре?

Я почти ничего не знал о работах, которые начал вести на заводе коллектив инженеров «Электростали» и ЦПА — Центральной лаборатории автоматки. Правда, мне рассказывали о каком-то проекте реконструкции дуговой электропечи. Но проект выглядел настолько смелым, что его можно было отнести скорее к области фантастики, нежели практических проблем.

Конечно, в наше время три-четыре года — срок не малый, — осторожно заметил я. — Краем уха я слышал кое-что о реконструкции печи.

— Реконструкция... — усмехнулся Каблуковский. — Не те слова! Да ведь печь, на которой работает сегодня Нина Рыбушкина, через каких-нибудь три года отойдет в прошлое. Не ульбяйтесь, именно в прошлое... На площадке возле новой печи — возле агрегата будущего! — не увидишь ни сталевара, ни подручных. Всеми процессами будут управлять автоматы. Скажете, фантастика!

— Понял, что такой печи нет нигде, несколько мне известно,

— А у нас будет! Для нас, инженеров, это уже не мечта. Такую печь создают. Загляните во вторую литейку, где работает Нина, спросите в ЦПА...

Я побывал во второй литейке, как называют на заводе «Электросталь» второй сталеплавильный цех, познакомился с инженерами ЦПА — главным конструктором, кандидатом технических наук Ю. Е. Ефремовичем, руково-

В ЦЕХ

дителем лаборатории по автоматизации металлургического производства В. М. Виноградовым, инженерами А. Н. Котиковым, Е. С. Гейншта, Б. А. Знаменским... Да, комплексная автоматизация и механизация дуговой электропечи не фантастика. Над этим уже работает коллектив опытных и, главное, смелых, не боящихся трудностей инженеров.

А трудности велики. Они куда больше тех, с которыми сталкиваются инженеры и ученые при автоматизации других агрегатов.

ИДЕТ

...Внешне все выглядит как будто просто. В печь загружают шихту — металлический лом, слитки, обрезь. Северу к шихте подводят электроды, на которые подают высокое напряжение. Между электродами и металлом возникает мощный электрический разряд — электрическая дуга. Температура в печи быстро растет. Самые тугоплавкие металлы плавятся, как масло на солнце. Затем в жидкую сталь добавляют недостающие легирующие элементы — хром, никель, если нужно — молибден, вольфрам, нередко титан или ванадий... Когда анализ металла покажет, что химический состав стали соответствует заданному, плавка готова, ее можно выпускать из печи.

Но это грубая схема процесса. На самом деле он сложнее и тоньше.

В дуговых электропечах варят сталь самых разнообразных марок. Можно сварить сталь твердую, как алмаз, и стойкую, как платина. Можно получить сплав, который с успехом заменит, например, свинец или медь. Металл, обладающий хорошей прочностью при очень высоких температурах, выплавляют в электропечи.

Каждый из сплавов имеет свою

АВТОМАТИКА

технологии. Нелегко поэтому создать систему автоматических устройств, которая абсолютно точно выполняла бы требования любой технологии, взяла бы на себя заботу по выплавке самых сложных, разнообразных по свойствам и совершенно непохожих друг на друга сплавов.

Так выглядит «ВУ» — вычислительное устройство.

Фото автора.

Сегодня Нина Рыбушина стоит на пульте управления обычной электрпечи. Пройдет немного времени, и она будет управлять сложной системой автоматики нового агрегата.

ШАГ ЗА ШАГОМ

Прежде чем автоматизировать электрпечь, надо решить, как горюват, управление с несколькими неизвестными.

Работа электрпечи характеризуется множеством показателей параметров. К их числу относятся расход электрической энергии, температура жидкого металла, стенок и свода печи, потери тепла, связанного режим и так далее. Как связаны различные параметры между собой? Какова их зависимость? Как, например, влияет изменение температуры жидкого металла на его качество? При комплексной автоматизации предполагается ведение плавки по наиболее целесообразным режимам. А в чем недостатки существующих методов управления технологическим процессом? Где те слабые звенья в общей технологии, которые следует заменить крепкими и надежными?.. Теория металлургического процесса не могла дать точного ответа на подобные вопросы. А эти вопросы и являлись неизвестными уравнениями, которые предстояло решить. К основной цели шла трудная дорога. Надо было постепенно завоевывать одну высоту за другой.

...Мы стоим на широком мостике, протянувшись вдоль шеренги сталеплавильных агрегатов. Сверху хорошо видна рабочая площадка третьей печи. Медленно опускаются вишнево-красные электроды. Время от времени сталеваз открывает заслонку завалочного окна, осматривает ванну печи. Так же, как и прежде, он перемешивает металл, берет пробу на химический анализ, «на глазок» определяет температуру металла... Кажется, ничего вроде и не изменилось на этой печи. Но начальник технического отдела завода был прав: печь изменилась. Ее уже «взали в работу». Небольшая площадка возле третьей печи как бы превратилась в поле трудного сражения.

— Вы знаете, что такое «короткая сеть»? — спрашивает меня инженер ЦЛА Александр Николаевич Котиков. — Так называют участок электрической сети, расположенный между трансформатором и электродом. На этом участке длиной каких-то десять метров напряжение падало настолько, насколько не падает на линии электропередачи протяженностью тысячи километров... Хорош элемент конструкции для агрегата будущего Ну, мы перделали эту сеть. Сейчас она стала действительно короткой. Потери энергии сократились до минимума.

Он наконец перечисляет некоторые другие новшества, внедренные на третьей печи, подчеркивая, что общие усилия инженеров «Электростали» и ЦЛА направлены сейчас не то, чтобы придать улазу полностью автоматизированной печи наиболее совершенную конструкцию.

На самой печи, а также на пульте управления установлены специальные приборы и устройства, которые контролируют и исследуют важнейшие параметры, их закономерности и связи.

— Когда мы начали обрабатывать показания этих устройств и приборов, — поясняет инженер Пирожников, — то получили неожиданные результаты. Особенно удивительными оказались сорпризы, которые преподнесли нам термомеры. Как бы вам объяснить: По потреблению электроэнерги печью не остается постоянным на протяжении плавки. Вначале на электроды подают предельно высокую мощность. При этом электрические дуги выделяют наибольшее количество тепла. Затем по команде сталевара пультовщик сбавляет напряжение. В следующий период печь работает, как говорит металлурги, на низшей

ступени напряжения. Это необходимо для того, чтобы сохранить стены и свод печи. Ведь если в печь подавать непрерывно одинаковую мощность, выделится такое количество тепла, что никакие огнеупоры не выдержат... И вот в стены и в свод печи поставили термомеры — особые устройства для измерения высоких температур. Термомеры сказали нам: границы периодов определены неверно!

— Но ведь десятки лет держали эти границы. И ничего, работали. Кто-то ведь устанавливал их...

— Видно, без достаточной проверки. Никто никогда точно не определял, до какой температуры нагреваются стены и свод в разные периоды плавки. А термомеры внесли полную ясность. Представьте себе, что было раньше. Загружали шихту, включали печь, начиналась плавка. Проходили, скажем, час. За это время шихта еще не успевала расплавиться. Ей бы еще «подобрести» калорий, но сталевар был вынужден дать команду: «Сбавляй напряжение!» Он опасался перегрева футеровки... А на самом-то деле — теперь мы знаем это точно! — температура стенок была ниже допустимой градусов на триста! Словом, мощность сбавляли преждевременно, без надобности. А это же неиспользованный резерв! Ведь сбавляя мощность, понижая напряжение, увеличивали время расплавления шихты, а значит, затрагивали валюту, терли драгоценные минуты...

ЗАБОТЛИВЫЙ ХОЗЯИН

На пульте управления третьей электрпечи стоит внешне ничем не примечательный, обычный, казался бы, прибор. Но таких приборов три во всем мире: два —

на заводе «Электросталь», третий пока что в ЦЛА. Прибор этот сконструировали инженеры ЦЛА Юрий Ефимович Ефремович, Александр Николаевич Котиков, Евгений Сергеевич Геништа при участии коллектива сотрудников лаборатории автоматики.

Называется прибор «ВУ» — вычислительное устройство. И если говорить о конечной цели — полной автоматизации и механизации дуговой электрпечи, то «ВУ» — своего рода стратегический пункт на пути к ней.

Чем же замечательно это устройство? ...В печь загружают шихту. Сверху, через отверстия в своде, опускают три электрода. Когда включат ток, между электродами и металлом возникнет электрическая дуга. Выделяется большое количество тепловой энергии, которая необходима не только для расплавления шихты, но и для нормального хода всех физико-химических процессов в жидком металле.

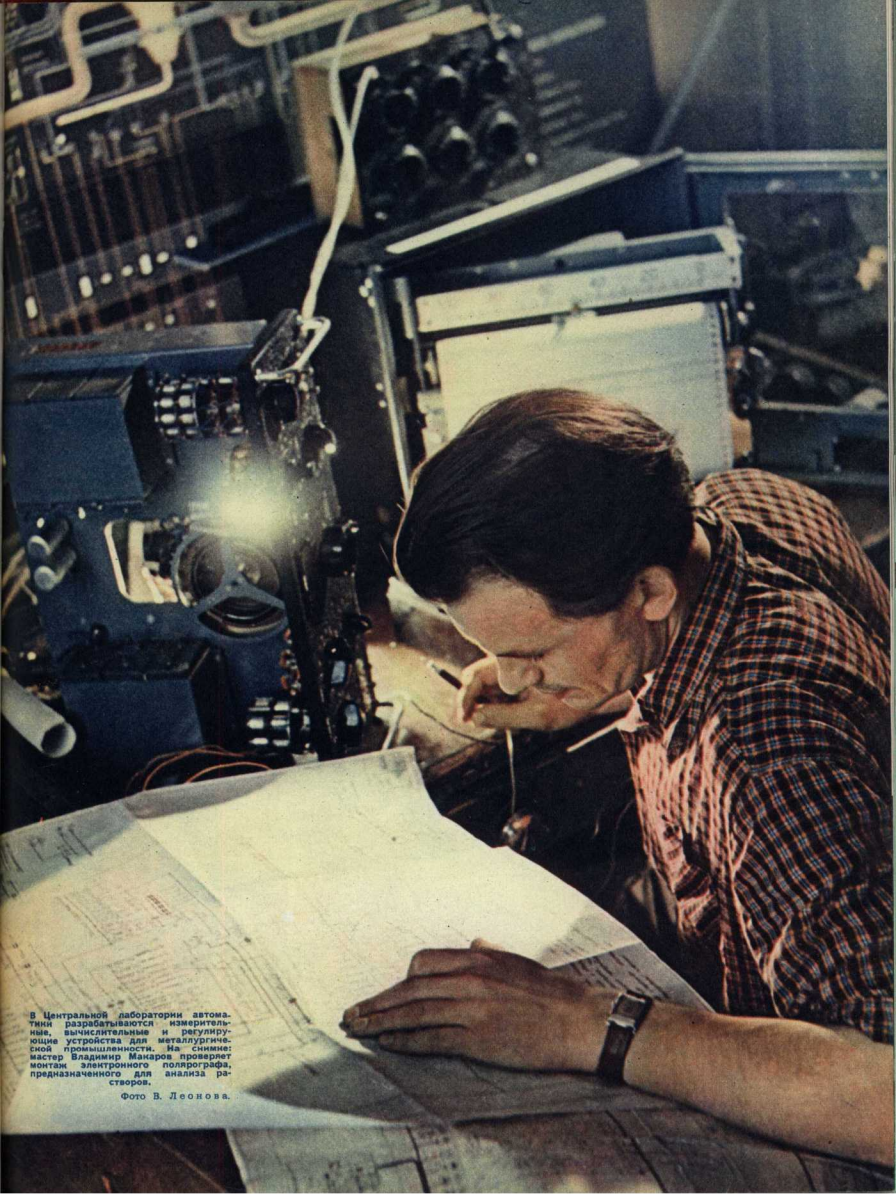
Проиграв в шихте три глубоких колодца, электроды медленно идут вниз. За время, пока расплавляется шихта, куски металла, обваливаясь, сталкиваются с электродами. Происходит короткое замыкание. Никакой энергии, как известно, при коротком замыкании не выделяется. Значит, в такие моменты полезная мощность в печь не поступает... При разрыве, неполноты шихты куски металла, лежащие под электродами, нередко проваливаются. Дуга обрывается. Превращается выделение тепловой энергии. Печь снова подбирает полезную мощность.

Правда, регулятор, установленный на печи, тут же восстанавливает «порядок»: поднимая или

(Окончание см. на стр. 16)

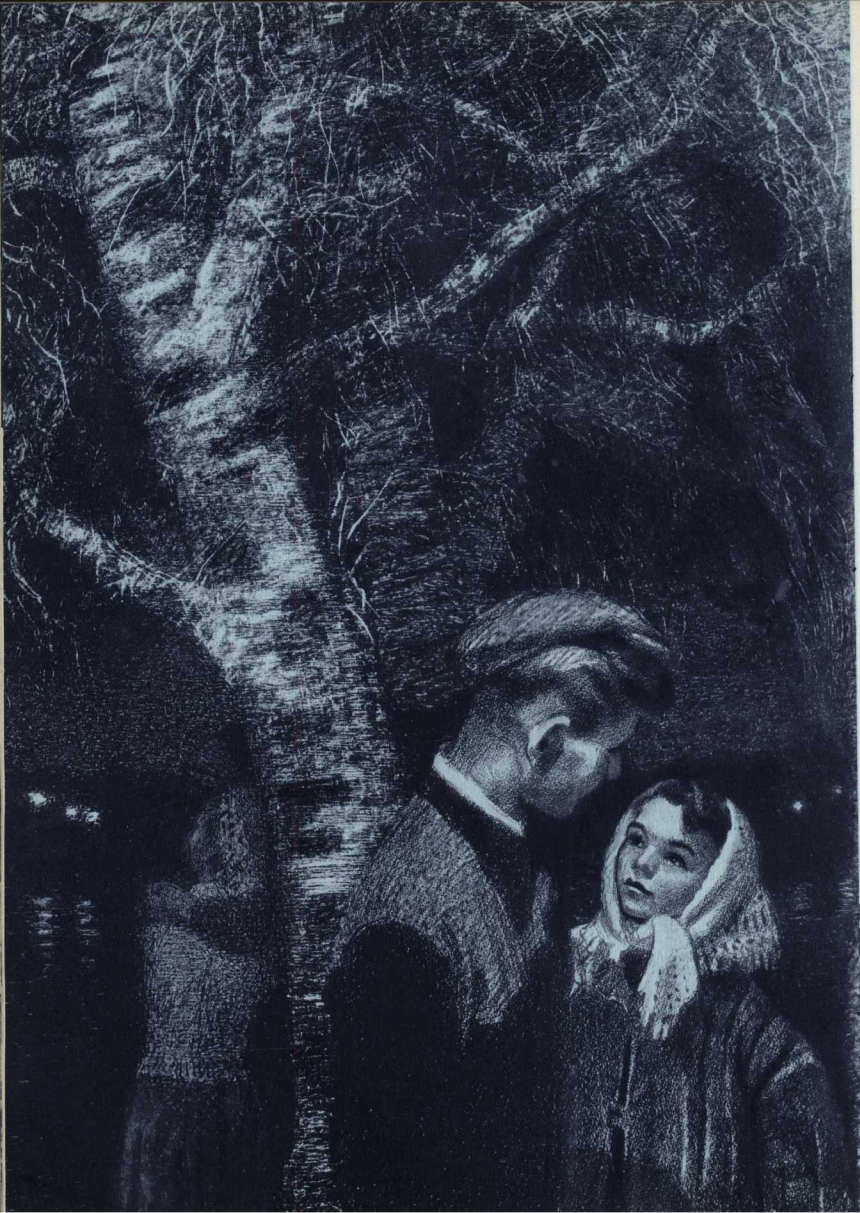
Инженер ЦЛА Евгений Сергеевич Геништа и техник лаборатории комсомола Эмма Костенко проверяют монтаж одного из узлов вычислительного устройства.

В Центральной лаборатории автоматики разрабатываются измерительные, вычислительные и регулирующие устройства для металлургической промышленности. На снимке: мастер Владимир Макаров проверяет монтаж электронного полпрографа, предназначенного для анализа растворов.

Фото В. Леснова.

У СТАЛОГО КАРЬЕРА

Рассказ

Рэка гудит на низкой органиной ноте. Левый ее берег завален кучами белого камня, изъеден ямами. Когда-то там была карьер: явил извешник и сплавлял на лавках звы. Под шертый сканской до сих пор студитесь заброшенный бременчатый барак.

По другой сторону реки колочая лесная непролаз и туни комаря. Често нязкое, в цешком, душном сумраке. Пахнет здесь папоротниками и мокрой черемухой. Кое-где из земли торчат замшевые зеленые валуны. Возле одной из таких бородатых глыб Никита решительно останавливается.

— Тут вот, стало быт, сделаем привал... Река баяко, ветером обдувать будет,— поясняет он.

И хотя место для привала не особенно удачно, — не перчу. Бесполое. Суждения у Никиты свои и твердости несмыкающей. С ним можно спорить обо всем: об Игоре Северянине, о Пирогове, о полете на Марс. И по любому вопросу он выкладывает собственное, неколебимое мнение. За годы работы в поисковых партиях Никита исколесил Сибирь вдоль и поперек, перевезл всякой всячиной и многого повидал.

В окрестности карьера он привел меня шиповатей. Здесь, на восток от реки, тнулись безбрежные нетронутые массивы кедров.

Никита заскакивает костер и сквозь зубы поносит комаров:

— Микробы прожытлей!.. И откудова столько понаделело? Со брать бы в одного, здоровогоного, взять топор — и хрысь!

Слова «хрысь» он произносит особенно сочно, со злорадным нажимом. Через полчаса мы хлебаем нальшим хуху. Потом, подзарпавившись, Никита сворачивает «экзотическую ножку» и, посыпавая цигарку, начинает бед всякого недосиделю одну из своих многочисленных и неуклюжих историй:

— Вот когда я был на Северном полюсе...

Я знаю, что он не был на Северном полюсе, но молчу, потому что Никита не любит, когда ему не верят. В сегодняшней истории речь идет о мамонте, которого якобы отыскал во льдах Никита.

Я внимательно смотрю на Никиту. Лицо у него спокойное и серьезное. Ни тени улыбки. Он в черной потропанной теснотке, по которой неполад и белыми нитками «присобачены» разнокалиберные пуговицы. Понятой, что своя работа.

— Никита! — говорю я, — почему ты не женишься?

Он приоткрывает рот, непонимающе моргает и, ничего не ответив, начинает укладываться спать. Мне невольно, хотя я и не понимаю, чем обидел Никиту. А он, приподняв с рюкзака большое вешенчатое лицо, глядит на меня злыми глазами:

— Я даже думаю бабьего не терплю, так и знай!

«Ого! — думаю. — Чего это тебя зацепило?» Вслух говорю:

— Бросила, что ли? Никита молотит рюкзак кулаком, и в его молчании чувствуется сдерживаемая ярость. А мне уже хочется, чтобы он выговорился. Иначе завтра будет невыносимый день.

— Значит, бросила? — мрачно подводеваю я. — Бывает, да...

— Сам любую бросишь — вариает Никита. — Вызали мы и не вышло. Дура, значит, была... Штучка... — Никита хочет вложить презрение в последнее слово, но оно, почему-то звучит нерешительно, замучившо. И он понемногу останавливается.

— Насчет штучки — это я зря. Со зла. Она хорошая девка. Мы года три были — водой не разольешь. А потом, как один бровник, сказали, получился треугольник. Приехал тут... художник из города. На застескевич весь, даже ботинки. Рубашка — снег, не то что у нас, грешник. И ухмылка с морды не сползала, будто все село ему родней доводится. Не знаю, почему, только я его с первого взгляда неваляло. Сердце, видно, чуяло... Ну вот, живет это штучник неделю, другую. Ребятинчик рисует и головой трясет: я-де таких глаз у детей нигде не выдала! — утрешнее небо, а не гляди! Да что ребятинки — гласская, конечно. Только таких глаз, как у Василия... Ты когда-нибудь видел забереги? Это когда первый лед к берегам жметса. Синий-синий он, с искоркой. Смотришь сквозь этот лед — степка, а под ним омут зеленой отливает. Я мальчишкой, бывало, гляну — сердце холодеет и плакать хочется, до того хорошо...

Никита шумно вздыхает и, словно опоминившись, переходит на прежний вдовольный тон:

— Так вот. Стал этот суксин сын сначала Федьку обхаживать. Федька — брат ее. То конфет ему принесет, то малютку ему чего-то и «богатырем» зовет. А уж как богатырь от горшка два вершка да еще конопатый, хуже меня... Потом и зима пришла, снегу по самые трубы навалило. А художник и не думает уезжать... Как-то Василишка ко мне в бригаду привезла (я тогда у трактористов бригадиром был). Приехала и — как веретено — на месте не постоит, в снежки игру затедала. «Ты чего, — спрашиваю, — веселая ты такая?» Она пообчоничалась и смеется: «С меня художник картинку писать начал. Снегурочка называется». Я молчу, а у моего сердца зашевелило. «Валий, валий», — говорю. И ушел. Вечером встречаю его у клуба. Ответил угод. «Сейчас», — говорю, — быть тебя буду. И, может, совсем уйду». Он смеется: ладно, мол, только работу дай закончить. Парень он, конечно, против меня никудашный, но не

трус. И от этого у меня пылу вроде поубавилось. «Вот что, — говорю, — художник, катись-ка ты отсюда к едрене-фене, иначе кости по сугробам растерешишь». «Закончу», — говорит, — работу — уеду». Повернулся и пошел в клуб, а я, как дурак, в переулке полчаса стоял. Что я за это время переудумал — вспоминать тошно. С того вечера с Василишкой встречаешься перестал. Мешать, думаю, не буду, у меня своя работа есть... А сердце прямо разбухает от злости.

И вот тут-то стралясь одна штучка. Прибегает ко мне однажды Федька и слова не выговорит, только «ва-ва-ва». «Хватит», — говорю, — вкаль. Выкладывай, чего тебе леший в такую погоду принес». (На улице в тот день пургу завирую — аж дома шатались.) Слово за слово — пошла наконец, что художник ихний заплянул. Ушел на охоту к Волчьей пади и как в лоху канул. «Иди», — каночит Федька, — теби Василишка зоветь «Спасибо», отвечаю, — вспоминала. Однако уже: интересно было взглянуть. Приходим — она ко мне: «Никита, человек погибает». Ты лучше всег тайгу знаешь! Я молчу. А тут еще Федька под ногами путается... Пошла за лыжами.

Выбегаю за околщцу, ветер будто с цепи сорвался, так с ног и валит. И злость во мне худюном ходит, то ли на художника, а скорее, на ветер. Дуй, думаю, может, лопнут губы твои... В общем, долго рассказывать, как я его искал. Нашел в одном лоху, под сосенкой. Скривился, смежился в три погибели и сидит. И тут меня оторопь азаяла: приведу я его домой, а дальше? Ведь увезет Василишку!

Не-ет, думаю, оставайся-ка ты лучше здесь, голубчик! А я скажу, что не нашел. Кто за это поперкнет? Стою. Холодно, а по мне вот так и льет. И колелит точно ватные. Как же, думаю, я в глаза взгляну? Ну, ладно, подошел к художнику, за плечо тряску. «Пошли», — говорю, — домой!

Добрался с грехом пополам: он ходок не айти какой да и залубенел на морозе-то... Оставил я его в сенях с Федькой, а сам — к Василишке. Вваливаясь в избу, на рожу зтакая ухмылка. «Не нашла», — говорю. И тут опоминившись не успел — баи меня Василишка по щеке, бац по другой! И в слезы: «Уходи, подлеи! Ненавижу!» Никита отворачивается, стараясь подавить вновь всплывшую обиду. А обидя, видно, была не малой, потому что у Никиты даже сейчас мелко и судорожно вздрагивает губы. Молчим мы долго. Лишь минут через десять я решаюсь спросить:

— Где она сейчас?

— В городе... Когда этот тип уехал, про нее всякие слухи пошли. Деревня, сам знаешь. Хотя промеж них ничего и не было. А она гордая... У меня недавно один дружок к ней ездил. Живет одна. Ну, он спросил: как, мол, не думаешь за Никиту выходить? «Нет», — говорит...

Никита, похавшись, ложится на бок и закрывает глаза. Становится очень тихо. Слышно только, как сояливо и тонко звенят комары да приглушенно, будто тоже заснула, гудит река.

— Никита, — окликаю я товарища. — А ты съезди к ней еще раз!

— Слышь, Никита? — Сплю! — сердито отвечает он.

Рисунки М. Кузнецова.

АЛЬФРЕД КЛАЗА,

ПРОСТОЙ РАБОЧИЙ

Лет семь назад я приехал на районную комсомольскую конференцию в маленький латвийский городок Лудзу. Свободных мест в гостинице не оказалось; одну ночь я переспал на райкомовском диване, а затем меня пригласил к себе один из местных старожилов, работник трудовых резервов. В доме у него я увидел странный предмет — небольшой чугунный патрон. Он стоял в глубине старого серванта, а окружающие простенькие фарфоровые безделушки.

— Это память об одном нашем ученике, паренке с золотыми руками и светлой головой — хохлика из семьи Казла. Он был «чуганга». Теперь такого слова в лексиконе нет, но в буржуазной Латвии оно произносилось так же, как в Америке произносят слово «чуггер». Так называли барона, вышедшего из Латвии. Эти люди получали за труд гроши, а выполняли самую что ни на есть тяжелую работу... Мальчик с матерью-батареей жил в усадьбе немецкого барона — жестокого и сумасбродного человека. Целые дни с утра до позднего вечера паренек проводил в мастерской, где ремонтировались разные сельскохозяйственные машины. Ну, а когда Советская власть вышла из Латвии всех баронов, паренек приехал в Лудзу и поступил в ремесленное училище. Вскоре началась война, сына пришло немцам, и новая дирекция запретила учиться «чуганга». Я устроил паренку в дальний родственный и разрешил ему работать в мастерские, когда там ничего не было. Оказалось он принес ключи от мастерской и попросил меня спрятать вот эту чугунную штуку до следующего дня. А ночью была облава, мальчик вместе с другими подростками утонул в Германно. Больше я его не видел. Что он хотел смастерить из чугунного патрона, не знаю...

Навряд ли заданию редакции я пришел в Ригу, чтобы написать очерк о новаторе производства. В те дни со страниц латвийских газет не сходило имя рабочего завода «Компрессор» Альфреда Клазы. «Патристической» почини Тохарь Альфред Клаза составил

личной план борьбы за семилетку, «Тохарь Альфред Клаза выразил наши думы...» — писали газеты.

Я отправился на «Компрессор». Даниил Дмитриевич Мартюшев, секретарь парткома завода, сказал, что мне повезло: Клаза только вчера возвратился из поездки в Эстонию. Правда, он без особого энтузиазма согласился проводить меня в цех, где работал новатор, жалуясь на то, что Клазу стали слишком уж часто отрывать от дела.

Я с искренним восхищением наблюдал, как работает знатный специалист в деловых его, точных, быстрых, но чувствовалось торопливости. Готовые детали, лежавшие на столике справа, казалось, были сняты с токарного, а со шлифовального станка.

Мы договорились встретиться у Клазы дома.

— После девяти вечера, — сказал он и пояснил: — Раньше не поучится. В цехе я узнал, что на заводе Клаза работает с 1950 года, пришел сюда после демобилизации из армии. Узнал я также, что в трудовую книжку тохаря вписано около тридцати благодарностей и поощрений, что за активное участие во внедрении скоростного резания им Альфреда Клазы назначены в заводскую Книгу почета.

Вытислав в список поощрений, наряд нетрудно было увидеть, что все они тесно связаны с задачами, которые решала наша промышленность за последние годы. Да, молодой латвийский рабочий ни на минуту не покидал первых рядов бойцов за коммунизм.

5 февраля закончил свою работу XXI съезд Коммунистической партии, удививший программу разветвленной строительства коммунистического общества. А 10 февраля у станка, где работает Клаза, появилось обязательство: «Хорошо продумаю свое участие во всемирном соревновании за быстрое выполнение семилетия, я решил составить личный план на этот период времени. Вот что мною намечено: выполнить семилетие производственных заданий за четыре с половиной года».

Фото К. Лесенко.

— За четыре с половиной года! Это по сколько же процентов выйдет в смету! — прикидывали рабочие.

У одного выходило по двести, у других — по сто шестидесяти. Нашлись и такие, которые вообще не верили в расчеты на семь лет вперед.

Цеховой комитет профсоюза решил обсудить обязательство Клазы на общем собрании.

Мне рассказывали, что такого бурного собрания не было в истории завода. Началось оно, как обычно, в красном уголке, а президентом, с протоколом, а закончилось, по словам представителя цехкома, «неизвестно где и как». Дело в том, что вопреки установленным правилам, половина регламент, рабочие направились из красного уголка в цех, к станку токарно-новатора.

— Вот, — начал доказывать Клаза, — Уго есть секундодмер, мотор и снял первую стружку! — Засекайте время. Я остывляю мотор и проверяю размеры: надо снять еще на миллиметр... Сколько ушло на замер?

— Сорок секунд, — сообщил плановик цеха.

Ну вот. А сейчас давайте считать. Я делю сорок пять центилларов в смету. Каждую деталь замерю дважды. Значит, сорок пять на два — это двенадцать. Двенадцать замеров по сорок секунд — это час. А в год примерно триста часов. Вот то время, кото-

рое я сэкономлю благодаря установке индикаторов. За триста часов можно выпустить еще две тысячи деталей.

— Абсолютно точно! — восхищено подтвердил плановик.

«В девять вечера я пришел к Клазе. Он пригласил меня в небольшую комнату, и первое, что бросилось мне в глаза, когда присел на диван, я огляделся, был чугунный патрон. Он стоял на полочке, стиснутый томиком кинг, и мне даже в голову не пришло, что в мире мог существовать еще один патрон, кроме того, который я видел у лудзинского старинника...»

Я передал Клазу услышанный когда-то рассказ о «чуганге».

— Это обо мне, — улыбнулся Клаза. — Недавно мы с женой ездили в Латвию. Там, где было имение барона, сейчас сельскохозяйственный техникум. Старый мастер умрет. А этот патрон случайно сохранился у родственника моего мастера. Я хотел сделать из него гранату! — Клаза снова улыбнулся. — Не уверен, что мне удалось бы смастерить тогда гранату для восточника. Ну, а сейчас... Сейчас мы, рабочие, будем поощрять их другим оружием... Вы, кажется, хотели узнать, как я пришел и мысли составить личный план на семилетку?

Я кинул головой и раскрыл блокнот...

г. Рига.

П. БАРУШКО

«Здесь ездить опасно», — предупреждает юного велосипедиста дружинники Юрий Бродский и Слава Зуев.

Вылет и танец: дружинницы Светлана Свиридова и Алла Трусова помогают пожилой женщине перейти через площадь.

Явно неподходящее место для «сна». Студенты Эрин Харалов и Вячеслав Крамаренко «приглашают» подвыпившего нарушителя в штаб дружины.

Вернувшись с вечернего рейда, Валентина Спиридонова, Владимир Позник и Владислав Никитин снова принялись за курсовой проект.

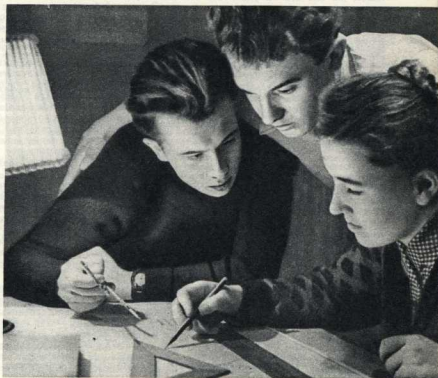

Фото автора.

Еще Короленко писал о выдыхании «тайны» Светлого озера. Сейчас «тайна» выдыхалась окончательно... но, как эти ны удивительно, до сих пор сюда ходят верующие.

«СВЯТОЕ» ОЗЕРО

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Летом прошлого года во время отпуска я побывал на Светлом озере, в Горьковской области. Многое из увиденного там так поразило меня, что я решил написать об этом в «Слепу».

г. Красный Луч,
Луганской области.

В. МАЛЫЦЕВ

Светлое озеро... Я стою на его берегу у окопанного в землю, побуршего от времени деревянного креста и вспоминаю о том, что девяносто лет назад здесь побывал Мельников-Печерский, около семидесяти лет назад — Короленко и почти полвека назад — Пришивин.

Еще Короленко писал о выдыхании «тайны» Светлого озера. Сейчас «тайна» выдохлась окончательно, никто не помнит твердо даже легенды о «вешедомо граде Китеже», но, как это ны удивительно, до сих пор сюда ходят верующие.

Мне удалось найти летопись, которую читал Короленко и которую Пришивин добыл у шаринского мужика Максима Ивановича. Я увидел этот документ у Федосы Михайловны Лукьяновой из деревни Баранихи, Красно-Бакского района, и ознакомился с летописью, как говорится, по первоисточникам.

В летописи говорилось следующее.

933 года назад, «месяца мая первый день», благоверный и великий князь Юрий Всеволодович, внук князя Юрия Долгорукого, основателя Москвы, начал строить на берегу озера Светлора «град каменный» Большой Китеж, ибо место там было святами прекрасно и многолюдно. Три года строили этот город, и получились он с длиной 200 сажен, а в ширину 150 сажен. Городок оказался маленьким, но настолько богомольным был его жители, что для них построили три церкви: одну — во имя Воздвижения, вторую — во имя Успения, третью — во имя Благовещения.

После этого благоверный князь

уехал в ранее построенный город Малый Китеж, «сто на берегу Волги стоить» (име Горелод), а затем «во сию Псков-град».

Шестидесять семь лет процветал белокаменный город Большой Китеж. Но вот «понузданным божиим и грех ради наших приде на Русь воевати нечестивый царь Батый...». Батый разорил многие города, в том числе Псков и Малый Китеж, а Георгий Всеволодович тайными тропами ушел в Большой Китеж. Один из пленников, не выдержав голода, указал Батую тайные тропы. В великой битве у стен города погиб Батый Георгий Всеволодович, многими захвачены Большой Китеж, но «повелением божиим тут стал невидим».

Используя эту красивую патристическую легенду, рожденную поэтическим воображением народа, церковники объявляли озеро Светлора «святым», а его кристально чистую воду — чудотворной. Прошли века, но поповские измышления все еще продолжают жить, выходя из людей, которые верят в чудотворную силу и в «святость» светлорожской воды...

...С вершиной холма озеро видно как на ладони. На противоположном, болюстном и заросшем ольхой берегу близко к озеру пологий склон, на котором укреплены маленькие домики, похожие на селенчичьи. В домиках стоят иконы, горят свечи. Около столбов толпятся не ме-

не ста человек, доносится невнятное церковное пение, положе на гул разгероженного улья. Много людей движется вокруг озера в одном направлении — кю солнцу; некоторые из них ползут на коленях.

Я спустился с пригорка и сел недалеко от молящихся. Навью на озеро пролетел самолет, развернулся и сделал над ним два круга. Богомольцы не переставали петь, закружили голом вверх. «Не удержались от соблазна, заблели, что не подейт впрям такое моление», — улыбаясь, подумал я.

Мне захотелось сделать несколько фотографий. Сухоймыка, остроносая старушка в белом платке и цветастой кофте сейчас же окликнула меня:

— Что, милый, али хочешь снять старуху-то?

— А можно? — дипломатично спросил я.

— Сними, сними, впрям тут многие снимают.

— Как, разве люди были здесь и вчера?

— И-и, батюшка мой, они тут уж боле недели. И ишо с неделю будут приходить.

— Значит, нет определенного дня?

— По делу-то сегодня самое лучшее моление: владимирская завтра. Да в каждый в этот день удаваться...

Старушка стала менять свечи. Мимо озера за дугой проползли на коленях три женщины. Чувство протеста, возмущения возникает при виде такого самозаставия. Представте себе довольно молодую женщину, которая, перекрестившись на озеро, надвигает на глаза платок, опускается на колени и по грязи, по камням ползает

километр, второй, третий... Теперь хоть на руки ей наступай, она не скажет ни слова, пока не вынодит ответ. Одна из женщин хитрит: наматала на колени какие-то тряпки; но две другие стараются на соесть.

В деревне Феоктистова, Красно-Бакского района, мне удалось поговорить с одной девушкой, сохранившей подобный «подвиг». Семилетасница, не очень уверенная в своих силах, она дала обет, что проползет вокруг озера, если успешно даст экзамены. Мать знала об этом, но не отговорила, не удержала...

Между в трестках, тоже в лодке, есть еще одно место для моления: два креста, облепленные горшочками свечами. Людей здесь меньше. Ползущие, порывавшиеся с крестами, поднимаются, крестятся и опять смиренно опускаются на колени. Они ползут довольно быстро, и пока я стою в длинной очереди, образовавшейся у переходов через ржавую, узкую рекушку, женщины, минавшие мостик без очереди, скрываются из глаз.

Каждый вступивший на мостик нагибается, зачерпывает ладонью воду, пьет и плещет водой в лицо. Никто не может обвинить, зачем это делается, — так завсегда, вот и все.

Вернувшись на прежнее место, я увидел загорелого, изрядно поседевшего, но еще довольно бодрого старика. На нем была длинная фуражка, кожаные запыленные сапожки, пажджак. Рядом лежали три буханки хлеба, небрежно связанные веревкой.

— Глянь-ко: ползают, — сказал он — Батюшкин мой, все колени обдерут... И вокруг озера ходят артелями. Вот дыно-то! А ведь поди, в колхозах состоят...

Старик помолчал, потом сказал: — За разными людьми ходят сюда. У одних была какая-нибудь Ну и верит, что, если помянуть, воды наберут, травки нарвут, полечте станет.

— Значит, помогает эта трава? — Да ведь кому как. Нам с тобой, если мы не верим, конечно, не поможет.

— А я тоже не верит?

— Я не старовер, молюсь-то плохо молюсь, — уклонился старик от прямого ответа и, забрав хлеб, не прощаясь, пошел куда-то. Через полчаса он вернулся.

— Вокруг озера обошел, — сказал он и усеял рядом. — Каждый делает, что хочет: поедает хлеба в ишке или без шапки или на мотоцикле едет. Я так думаю, — продолжал неутомянный старик, — власти забудут сами озеро.

Вон места-то какие: озеро, как на картинке, лес. Разве нельзя здесь курорт оборудовать? Можно! Да вода, молет, и в самом деле целебная. Я, правда, хоть и старов, а не стал бытть; оборудовать, и вот мы тут и кураются: святая, мол, вода все грехи очищает... А почему бы фантажичка для питья не сделать?

Ведь тут, милый, кругом родники, только многие из них захламлены, заросли. А расчистить их — так пойдет, как из нечистой трубы. Уж вот тогда я бы явился холюбно-кой-то...

— Правду ли говорит, что на serene озера «святителем» и его некие верующие?

— Если надешься на себя, так перельнешь, — ответил старик. — А не умеешь плыть, так, ясно, утонешь.

Вдруг он приставил ладонь ко рту, и, как мне показалось, радостно прошептал:

— А вот глянь-ко на озере-то человек.

В самом деле, от «кушалника», как называл старик восьмиметровую вышку для прыжков в воду, пологим молотом, какой-то парень плыл к середине озера. Увидев это, молчаливо стали со стороны следить за «блуждущим». А плывок скроется под водой, то всплывет, то уйдет, и не думать, «застывает» его или нет. Однако вскоре у воды на глазах ода из легенд о «святом» озере развелась, как дым. Парень переплыл озеро и не спеша вышел на противоположный берег. Постра, арно освещенный солнцем, и через минуту поплыл обратно. Несколько позже я встретился с ним. Комсомольский значок и второй спортивный разряд давали этому парню право надеяться на свои силы.

Стало холоднее, наступал вечер. А люди все прибывали. Многие из них собирались молиться до утра, и в распад остались. Конечно, сейчас не те времена, и споры об «истинной» вере не будут, но все равно интересно посмотреть до конца всю «программу», ставшую здесь традицией.

Вечером на озере пришла группа парней и девушек. Гармонист уверенно забрал на тот самый холм, где давно когда-то стоял часовня, и начался пляска, за которой слышны песни, перемешавшиеся с частушками, грустными с веселыми. Некоторые из верующих начали прислушиваться к молодым голосам, отошли от икон. Многие же невозмутимо продолжали молиться, гуляя по воде горящие свечи, чтобы поглядеть, куда направят те свои пути в сторону Воздвижения, Успения или Благовещения. К вечеру усталые богомолники собрались около костров, поужинали и легли спать. Пришел я и я, но, засыпая, слышал, как «на горячке» все вселась молодежь. Плыла в той стороне золотистая нечеткая заря, несамосто переходящая в утреннюю. А здесь шарил полумрак, и с озера тнуло сырость...

Меня разбудил тихий говор. Печальный женский голос рассказывал:

— Попросила она меня: «Истопи-ко», — говорит, — мама, баньку. Я ишо и подумала: «Не родить ли она собралась?» А спросить-то постеснялась. Прихожу не баню, а то, что называется, «лежалка» и родила уже. Спрашиваю ее: «Что ты там, Дашенька, не сказала? Ведь помогла бы я». А она и говорит: «Слышала я, что, если менте людей об этом знает, легче родить-то». Потом взглянула на меня пристально так и говорит: «Не выжишу ведь я». Повернула я ее, а под ней крови хоть ковшом черпай...

...И вот молчала рассказчица, потом справилась с собою и продолжала:

— В баньку было возила, да не сплывала уже.

А религиозно-то жива? — спросила «то».

— Нет, помер...

— Вот и думаю, — начала она опять, — правильно, видно, говорят, что в новый дом первыми старухи ступают. А до тех пор, как сказала, что первой кошку пустила, ну и не принял господь...

Замолчали собеседники, занятые горестными мыслями, а я слова и снова пытался разобраться: почему в наше время возможны такие убогие мысли, почему судятся-то еще такие дикие образы? Разве можно назвать ползующих людей «нашими современниками»? И почему это никому нет дела до молений на озере? Там лишь богомолыш и... зрители.

Мне рассказывали, что когда-то богомолыш обреченности прогонял с озера. Конечно, такой метод борьбы с религиозными предрассудками ничего хорошего не даст, и правильно сделали, что от него отказались, но полное неместешательство обстоятельств в деле, происходящие на «святом» озере, тоже нельзя считать верным. Особенно полезную работу могли бы провести комсомолы Воскресенского района, на территории которого расположено озеро. Но, о-

нов день, Николаю, Леонтию дед, Владимирскую, Казанскую, Ильинские, Покров и многие другие. «Праздники» сопровождаются трех- — четырехдневной пьянкой, зачастую оканчиваются драками, помноженно...

В Горьковской области нет ни одного колхоза, где бы не было библиотеки, клуба, электричества, радио. Например, в колхозе «Красный маяк», Красно-Баковского района, объединившем трудящихся десятка небольших деревень, сотни людей состоят читателями передвижной библиотеки. Зажиточнее стала жизнь. Меняется облик деревни.

Но научно-популярная и агитационная пропаганда отсутствует. Поэтому не удивительно, что так мирно уживаются радио и иконы, механизация колхозных работ и «спростельные» праздники.

Часа в три утра церковные пе-

Представьте себе довольно молодую женщину, которая, перекрестившись на озере, нагибает на глаза платок, спускаясь на колени и по глаз, по камням ползет километр, второй, третий...

видно, товарищи больше заняты хозяйственными делами и на все остальное не обращают особого внимания, считая моления на озере «пустяками». А таких «пустяков» в окружающих деревнях и селах района хоть отбавляй.

До сих пор так справляют свои «спростельные» праздники: Ива-

нов возобновился. Неугасившие всю ночь свечи теплились около иконы, а какая-то женщина собралась растопить печь. Над озером висел тяжкий туман. Слово и взгляд скрывая несомненно тайку. Мне захотелось идти. Я ишо подалось от молчаливых, с трудом добрался по топкому берегу к во-

де И, нагнувшись, понял, почему называли это озеро Светлым: вода в нем чистая, как алмаз. Глубина около берега была не менее трех метров, но дно выдилось, как через увеличительное стекло. Там лежали стволы деревьев, ветки, сосновые иглы, листья. Малейший пузырь воздуха оторвался от дна и помчался наверх. Я не успел отшатнуться от воды, как она уже коснулась лица и лопнула...

«Ярко светило солнце, а на холмах все еще дымилась угасающая костры, и в окошко снова собралась толпа. В лесу тоже молились. Группами и в одиночку стояли люди около развешенных по деревьям черных голубок и туче поусугнивших икон, на которых покоились «святые» книги. С таким чувством двинулся я в обратный путь.

До свидания. Светлое озеро! Я еще приеду к твоим берегам. Но

так хочется верить, что в следующем году я уже не увижу здесь ничего, что бы могло возмутить душу человека, его шаг перевернувшего «законны божьи» своей перлой в мире искусственной планете, человека, своими руками строящего коммунизм.

В. МАЛЫЦЕВ

Озеро Светлояр, или Светлое, лежит в междуречье двух великих притоков — Барыньки и Ветуги — речек лесов и полей Воскресенского района, Горьковской области, близ большого села Владимировки. Едва просохнет весенняя земля, как на берегах озера появляются первые паломники. Они приходят из отдаленных районов Горьковской, Ивановской, Мокшанской, Владимирской, Кировской областей, из Марийской и Чувашской автономных республик. Среди паломников, в большинстве своем людей помехлых и престарелых, можно нередко встретить юношей, девушек, детей школьного возраста.

К сожалению, не принято почти никаких мер, чтобы навсегда расшить религиозный дурман, которым на протяжении столетий окутывалось озеро Светлояр. Озеро по-настоящему не изучено. Не установлены окончательно геологические причины его возникновения, не промерены глубины, не исследован химический состав его воды, которая своей кристальной чистотой и не уступает дистиллированной воде. Светлояр тамт в себе немало загадок, которые должны разрешить наши ученые — гидрологи, китологи, геологи. Целенаправленно, чтобы без лишней нужды научных данных нельзя проводить убедительные и действенные научно-атеистические беседы о Светлояре, способные развеять его «табу» и глаза верующих.

Спокойно и равнодушно смотрит на паломничество к «святому» озеру Воскресенский район комсомола. Работники его упускают себя так, что большинство паломников — людей других районов области и автономных республик. Но для благодушного настроения нет, конечно, никаких оснований. В своем Воскресенском районе антирелигиозную пропаганду ведет лишь несколько местных леготорговцев. В прошлом году они выступили с пятьюдесятью лекциями и беседами, по одной беседе на два-три населенных пункта района. На этих трех селских пунктах не демонстрировался ни один научно-популярный фильм. Районный инспектор инсценировал И. А. Грундер обратился наместо на ближайшую базу инструктора городе Самоване с

просьбой прислать наиной-нибудь научно-популярный фильм на базе отдаленных пунктов.

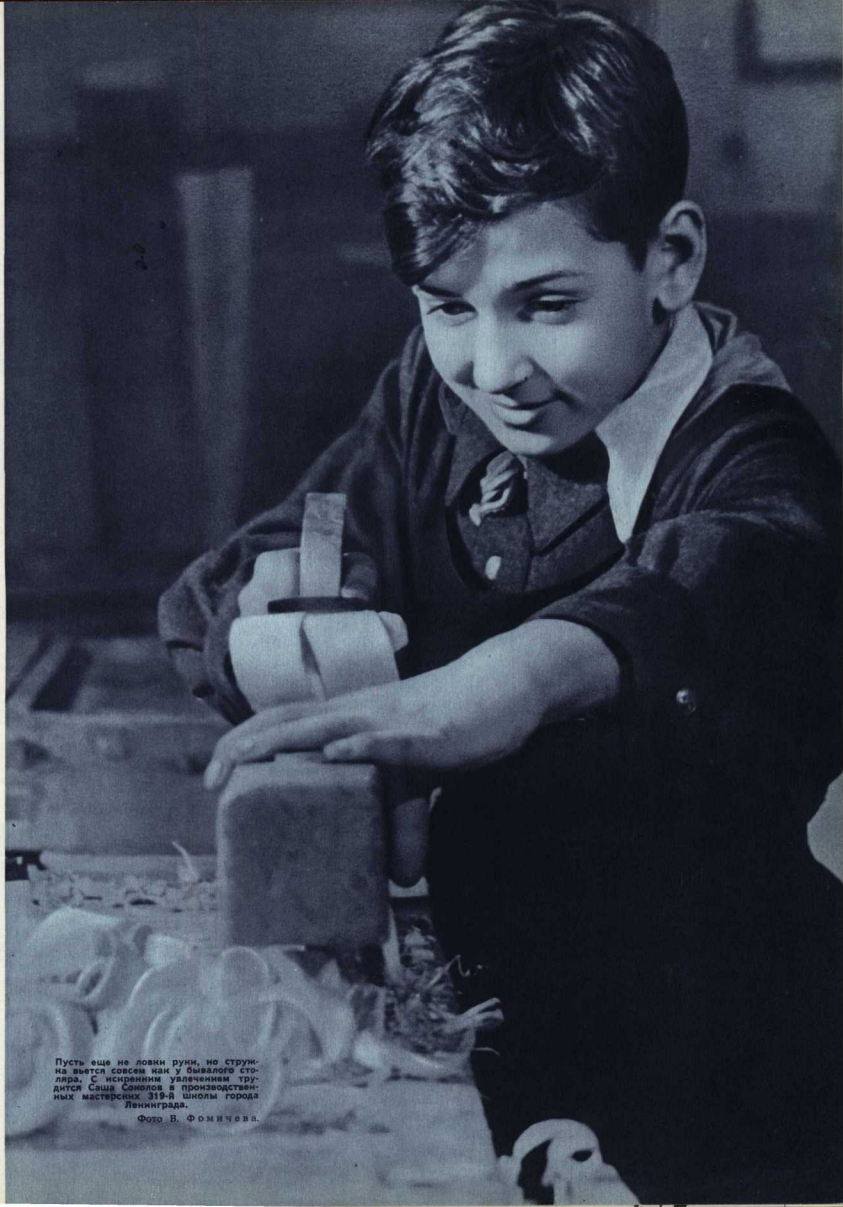
Комсомольские активисты района могли бы помочь учащимся и преподавателям Владимировки сделать атеистический «раведческий» уголок, посвященный Светлояру. В летние дни, когда здесь собирается много людей, уголок можно было бы развернуть на берегу озера.

Благоустройство озера пока ограничивает сооружением вышки для прыжков в воду. За озером нет уголка, нет присосочки, не имеет достаточной высоты деревья, разводя под ними истры. Озеро постепенно зарастает, на него наступают иш. Комсомольцы и пионеры района могли бы озеленить неизменный безлесный берег Светлояра, разбить там молодойный парк.

Атеистическая пропаганда, направленная против религиозных вымыслов о «святом» озере, — это дело не только комсомольских и просветительных организаций Горьковской области. Эту пропаганду надо вести также в соседних областях и автономных республиках, откуда еще идут паломники иш. Комсомольцы и пионеры области должны оказывать помощь в подготовке и написании брошюры о Светлояре.

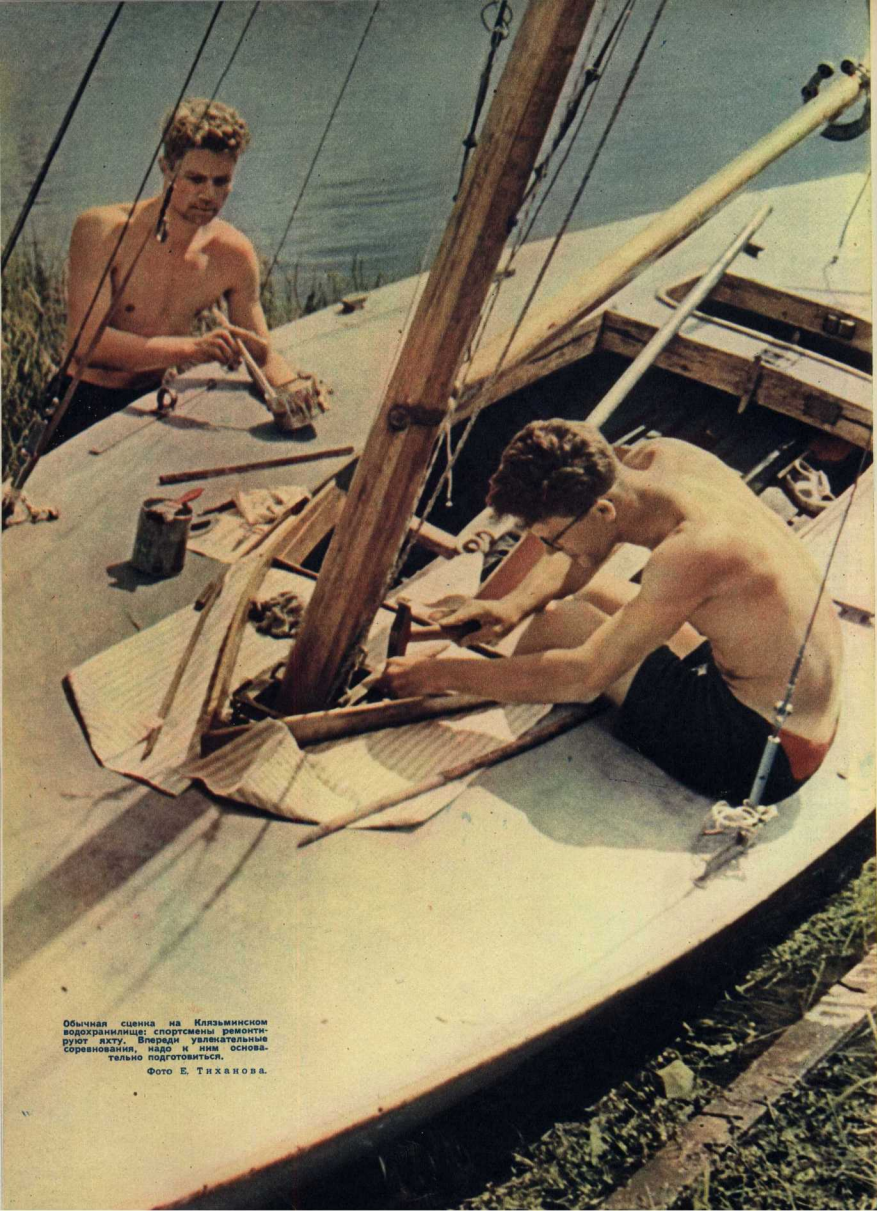
Молодые научные работники к студентам Москвы и Горького могли бы организовать летом научную экспедицию на Светлояр, в состав которой для изучения отряда трудящихся, базой научно-естественной антирелигиозной пропаганды.

А. ШАМАРА, специальный корреспондент «Смены», Воскресенский район, Горьковской области.

Пусть еще не ловки руки, но стружка вьется совсем как у бывалого столяра. С искренним увлечением трудится Саша Самойлов в производственных мастерских 319-й школы города Ленинграда.

Фото В. Фомичева.

Обычная сцена на Клязьминском водохранилище: спортсмены ремонтируют яхту. Вперед удаляющиеся соревнования, надо к ним основательно подготовиться.

Фото Е. Тиханова.

ГУСЕИН

Поэма

1

Кавказ! Кавказ!. Меж звезд вершины
всплывают, всплывают,
Ты астал подножьями хребтов в моря.
Таон снега и лед озерный синей,
Как зеркала, средь обрывов горят.

И там, где речку не сковать морозам.
Где пена в речку, как стада коней,
Там быстроногим и звонкогосым
Рос мальчик русский с именем Гусейн.

Рос мальчик русский. Рос, как все
мальчишки,
Но только с детства научился он
Нерусской речн... И не понаслышке
Он был в Кавказ, в его хребты влюблен.

Кавказ! Для смелых вздыблил ты
и вскружил...
Мальчишка рос, и лишь орлам под стать,
Он забирался высоко на кручи,
Чтоб на высоких кручах постоять.

И звать хотелось: что там дальше, выше!
И лез, хватаясь за вырвы кустов,
С крикливою оравой ребятишек
Хотел пройтись по крыльям облаков.

И к месяцу, где горы льдом пропали,
Снежи взвешает он по камням в росе...
Но снова мать звала мальчишку в сакло:
— Гусейн! Гусейн! Иди домой, Гусейн!

И, зов услышав, сын домой вернется...
И так всегда. А ветер каждый год
Со всей силой в ущелья-колоды
Перематывает снега не устает.

И не спеша, за каждою зимою,
Проснувшись тихо в теплой шашинке,
Дождь затрунтся голубой каемкою
И шторую нависнет на окне.

И вот рисует память край широкий,
И между садов прохлады в жемчужный день
Средн посевов и холмов высоких
Строения весенних деревьев.

Откуда все! Каким маянция светом
Тревожит часто память! Почему!
Гусейн все чаще спрашивал об этом,
Но мать боялась отвечать ему.

Боялась: скажет — потеряет сына...
Но в сапле старой был приенок. В нем
Звенели песни светлею стремниной;
И шторую нависнет на окне.

Один смеялся, словно дети, звонко,
В других мятенных слышались накал,
И между имок о рабине тонкой
Вдруг чей-то тихий голос зашкучал.

И нусть Гусейн не понял слов той песни,
Туда берущий за душу мотива
Улеток Гусейна память, как кудесник,
В ней сказочное что-то оживя.

И в сказочном, вся голубым облита,
Перед Гусейной женщина встает...
И кажется, что песню о забытом
Она издалека ему поет.

И встал Гусейн, закрыл тетрадь и кинжук...
И встrepенулся в старой шапке маме.
Казалось ей: приемного сынишку
Она уже не сможет удержать!

Он убежит за песней той напевной
Туда, где люди схожи с ним во всем.
И на преднемки потладела гиево,
Как будто стал он для нее врагом.

О матери Гусейна мало зная,
Горника села — слезы не сдержит! —
Сказала: — Сын, тебе я не родная;
В земле давно твою родная мати..

И все, как было, рассказала сыну,
Решилась мать: пусть станут выше сын!
Короткую, но страшную былнину
Она внесла в спокойный мир весны.

2

В ущельях травы лезли по веронкам,
Была война. Гул взрывов солнце тряс.
Войной загнало женщину с ребенком
С равнины русской в горы, на Кавказ.

Ее ребенок было больше года,
Но, в одеяльце спрятавшись, как жуок,
Он не кричал ни в зной, ни в непогоду,
Мать не снимала сына с теплых рук.

Кружились в жмуром возмущенном небе,
То здесь, то там взлетая в синеву,
Пожарики пепел. Он лежал на хлесте
И покрывал на пастбищах траву...

И, чтоб пожары до небес шагнули,
К аулам, в горы, прорывался враг,
И за белганкой мчалась с выгном пули —
Она спешила спрятаться в горах...

Остался сын живым. А мать убита...
Ничком лежала на тугой земле...
Синишка встал из рук ее раскрытых,
Увидел пропасть, стоя на скале.

И кто же скажет, что ребенка ждало
В лесинках гор, где был шашком бой,
Когда Б горница не взошла на скалы,
Не унесла Б его тогда с собой!

Несла его, как влаги каплю в горстке...
И вот, не зная, как ребенка звать,
Гусейном стала называть пасторки,
Ему родную заменила мать.

Вспять откатилась пламени лавина,
И лед чуяне кости порастер...
И в сакле горца вырос горцом-сыном
Гусейн, и ловок, и силен, и скор.

3

Порою чувства, мысли — словно сестры:
Проснувшись и заговорить готовы в лад...
Нет-нет, и грусть промнет сердце остро,
И дуам, дуам бурно закипят!

И унесутся, улетят далеко
С Кавказа в расстревоненном году,
И станут биться возле русских окон,
И будут рваться к русскому плечу.

Но возвратятся на Кавказ, как птицы,
Где мать его приемная живет,
Где мать родная спит в сакле-гробнице...
И вновь Россия перед ним встает.

Встает она, и в синеве без края
Летят весною клинья журавлей,
И зацветают мяки, поляхья
Роскстымн бутонам огней.

И ливни сплюются из туч-отлопок,
И радуги встают, как веера,
И, как царьцук, землю с боку на бок
Переворачивают трактора.

Земля ликует! И на ней на всей
Вдмывается плечистая пшеница...
И долго-долго вдаль глядит Гусейн...
О русской край! Вся жизнь ты будешь
сентяб!

Всю жизнь!.. И хочется пойти к рабникам,
И манит путь за горною грядой...
А мать-горника Ищет в сакло сына:
— Гусейн! Гусейн! Иди, сынком, домой!..

Но годы шли... И сотнями развилок
Больше дорог, как бурная весна,
Его с Кавказа с песней укачала
Сибирская степная целина.

4

До неба степь, ни дерева, ни хаты,
Полньи сузая, горкая трава,
В степь под солнцем озерно распяты,
От зноя кругом ходит голова.

Теле ни так все выделосо и силосо!
Гусейн, омишь, Гусейн, остепенись,
Вернись туда, где сердце окрылилось,
Где горы сакло приподняли высь!

Уйти домой! Там, дома, все обжито,
А тут, куда ни кинься, ни пойдй...
То сиди спишь, то кушавшь несистно,
То залпают проливни-дожди.

Удй!.. Но видншь: за твоей палаткой,
Где только солнце плавало с утра,
Взяв с неба туч на спины, как скаты,
К тебе улет колонной трактора.

Идут, полньи кустистую тревожат,
Хоронят в ямки бороздах земли,
И стал весенний ветер черноможиом,
Купавсь в полетях лавотной пыли.

Поют друзья, Гусейн их песни слышит,
И дышет лесик силой и весной...
«А мать-горника издалека пишет:
«Гусейн, мой сын, вернись ко мне, домой!»

5

Метель слепой брачливую старую,
В глухой степи бегунеса оном,
Березка гнетса, мечется с испугом,
До пося в снегу занесена.

А целиной — по полю и лопжинам —
Пустят наездини рисыва знамен,
Примрив от острых рубенных снежинок
Кавказским шарфом свой безусый рот.

В метель в огромной каменной кошаре,
Работавши четвертый день без сна,
Вдруг слез чабан. В жару забредли парени,
Большую помощь срочная нузя.

И всадник в белоснежной коловрети
Летит в совхоз дорогою прямой,
А в ватнике лежит письмо в конверте
От матери, зовущее домой.

Зовущее из этих сынов делей,
Где приземля Гусейн своею мечту,
Куда расти стада овец пригнали,
Где чабаны, как лески, на счету.

Уйти от зных и жизнь начать потише!
Нет!.. Мечт Гусейн, коня ремнеца клеустю.
Горьянк-матери он вжодновани пишет:
«Мне бы мою оставить целину!»

Но мать стара и ждет сыновней ласки...
И скоро с нею в отпуске опят
Он встретнтся, примчав и хребтам
накавказским,

Чтоб снова мать к себе, в просторы, звать.

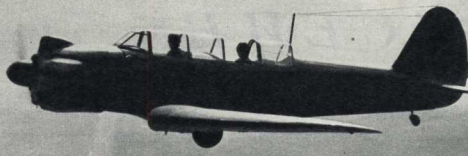
ЖИЗНЬ
ЗОВЕТ

Фото В. Тюнкеля.

ПРИЗВАНИЕ

Подпрыгивая на неровностях аэродромного поля, «ЯК-18» бежит все быстрее и быстрее. Незаметно, в какую-то долю секунды, машина отрывается от земли и уходит вверх. Поднимается она словно по ровной, прямой дороге, не уклоняясь ни вправо, ни влево. Самолет набирает высоту, делает круг и, постепенно снижаясь, идет на посадку. Идеальное выдерживание у земли, точная посадка на три точки...

Так четко выполняла первое упражнение на прошлогодних всеюных самолетных соревнованиях Мирзда Гайлис. Она получила максимальное количество очков — сто из ста возможных.

Кто же она? Вероятно, опытный пилот, налетающий тысячи часов? Нет, Мирзда была одной из самых молодых участниц соревнований, и врученная ей золотая медаль членами страны явилась наградой за настойчивость, за упорство в достижении цели.

— Все началось с того дня, когда я впервые поднялась на планер. Но, увы, на «А-1» далеко не улететь...

«Надо учиться летать по-настоящему», — решила Мирзда. Она написала в Минский аэроклуб и с нетерпением стала ждать ответа.

Наконец пришло письмо. В нем коротко сообщалось, что если ей удастся успешно пройти за зиму теоретический курс, то летом она будет допущена к летной практике.

Но Мирзду не хотели отпустить с работы. Начальник цеха заявил: «Если бы в институт, и слова не сказал бы, а в аэроклуб не отпусти!»

Помог комитет комсомола. Там поняли, что это не простое увлечение.

И вот Минск... Устроиться на работу помог ей городской комитет комсомола. Пришлось, правда, изменить специальность, поступить на тракторный завод учеником токаря. Прошло несколько месяцев, ученичество кончилось, и девушка начала

работать самостоятельно. От дома до завода было довольно далеко, но зато совсем близко находился аэроклуб.

Три раза в неделю Мирзда посещала занятия в аэроклубе. Вначале было очень трудно из-за слабого знания русского языка. На помощь пришли товарищи по клубу. Особенно отзывчивой оказалась Валентина Колева, инструктор-методист. Нередко она оставалась после занятий и помогала «новенькой» усваивать теорию летного дела.

Через некоторое время началась летная практика. Молодая спортсменка была способной ученицей.

Мирзда Гайлис.

В кабине самолета Мирзда держалась уверенно, точно выполняла все указания инструктора.

Однажды Мирзду вызвал к себе начальник аэроклуба и сказал ей, что она поедет в Саранск, в Центральную объединенную летно-техническую школу. Это явилось приятной неожиданностью для Мирзды.

Два года учебы промелькнули незаметно. В свободное от занятий время Мирзда увлекалась плаванием, ходьбой на лыжах. Ведь для того, чтобы стать умелым летчиком, необходима выносливость, физическая закалка. Девушка, достигшая больших успехов в учебе, теперь окончательно поняла, что

ее призвание — авиация. Она обязательно станет настоящей летчицей, будет не только летать сама, но и учить других, воспитывать крылатую смену!

Все это сбылось. Мирзду Гайлис назначили инструктором-летчиком Витебского аэроклуба. Первая группа, с которой она начала заниматься, состояла из восьми человек. То были крепкие ребята, в меру задрямые, довольно шумные. Мирзда легко могла сойти за их сверстницу. Но они слушались ее, как слушаются примерные ученики свою любимую учительницу. Да и как было относиться с уважением к инструктору, который выдал вам столько души в свою работу! Сколько раз она бывала у спортсменов дома, знакомая с условиями их жизни и бата, помогая им готовиться к очередным занятиям! И не удивительно, что с первых дней группа Гайлис отличалась завидной спаянностью, добросовестным отношением к учебе и высокой дисциплинированностью.

В минувшем году закончили курс с высокими оценками ее ученики Владислав Егоров, Евгений Солонинкин, Михаил Корсунов, Александр Орлов.

— Со временем они станут отличными летчиками, — говорит Мирзда, и в ее голосе звучат теплые, дружеские нотки.

Хоти Гайлис уже обладает некоторым опытом, к полету она всегда готовится так, словно это ее первый самостоятельный урок. Мирзда снова и снова просматривает записи, конспекты, учебники. Такая подготовка помогает ей интересно, увлекательно проводить занятия. Каждый полет является для авиационных спортсменов е группы новым шагом вперед, к мастерству.

«Простая латышская девушка захотела стать летчицей и стала ею. Больше того, она завоевала высокое звание чемпиона страны. Пожелала же комсомолке Мирзде Гайлис новых успехов, счастливых рекордных полетов!»

И. ЖАРКОВСКИЙ

лии Е. Ржевской «Спусти много лет». Одной из существенных причин ущербности этих книг, на мой взгляд, является плохое знание авторами современной жизни народа.

В самом деле, история человечества не знает другой такой эпохи, когда бы столь стремительно и бурно рождалось новое, разрывались небывалая активность народных масс. Все это требует от литератора еще более тесной связи с жизнью, поисков нового подхода к ней и новых методов изображения. Возникла настоятельная потребность вдуматься в специфику писательского труда, осмыслить все то, что дает писателю возможность шагнуть в ногу со временем.

И над этим размышляют не только критики, но и прозаики, поэты, драматурги.

Дать этой потребности отдал и В. Кочетов в романе «Братья Ершовы» и А. Калинин в романе «Суровое поле».

Эти вопросы ставят в центре своего нового произведения и Михаил Колесников.

В отличие от романа А. Калинина «Суровое поле», где выразительно воспроизведен творческий процесс изнутри, художественно раскрыта писательская лаборатория, психология творчества, Колесников показывает своего героя не за писательским столом, а в кипении жизни, в тесном общении с героями будущих его произведений, в совместной дружной работе с ними.

Сама жизнь учит героя повести — писателя, подсказывает ему замыслы, идеи, характеры.

Герой повести И. Колесникова, как и герой романа А. Калинина «Суровое поле» писатель Михаилов и художник Виталий Казаков из романа В. Кочетова «Братья Ершовы», — живое и наглядное подтверждение необходимости для литератора постоянно и активно вторгаться в жизнь, ни на день, ни на час не отрываться от рядовых армистроителей коммунизма.

В «Звучание Солнечном» образ молодого писателя противопоставлен другой образ литератора, Трифона Камчадала. Когда-то, много лет назад, Камчадал создал неплохую книгу. Это дало ему повод остановиться на достигнутом. И вот теперь он приехал на рудник изучать жизнь, собрать материалы для нового произведения.

Но если для главного героя изучение жизни — активное вторжение в нее, то для Камчадала — это туристическая прогулка. Глазами постороннего, бесстрастного человека смотрит он на людей, на их дела, на механизмы. И люди кажутся ему непонятными, и для рабочих он чужой человек, случайный гость. Кажется слоненится по карьеру, лесх стесняет, что то записывает в книжечку, задает рудокопам нелепые вопросы и поражается непонятными ему ответами.

Этот образ писателя — верхогляд, ремесленника, — написанный в сатирическом плане, свидетельствует о порочности метода стороннего наблюдения, бытующего среди некоторой части литераторов.

В повести ничего не говорится о дальнейшей судьбе главного героя, от имени которого ведется повествование, в Трифона Камчадала. Но прощание с читателем есть все обособо труда догадает

Слова Дмитрия ГОЛУБЕВА.
Музыка Леонида ПЕЧИКОВА.

Прибыл, девушка, с завода
Я на месяц к вам сюда.
Хороша у вас природа!
Живописные места!

Хорошо слыны тугие
Потугу в сырды индять
И ометы золотые
В чистом поле наваяты! 2 раза

Деревинские девчата,
Зри смеется вы опять,
С неприятым трудоизато
Мне за вами поспевать!

Хорошо, устав немного,
В тесный круг с друзьями
Сесты
И в тени болотного стога
Ци задмыленные есть. 2 раза

Поработали мы вволю,
Перепели об асем.
По вечернему по полю
Хорошо кты адово.

Хорошо в часи заката
С милой девушкой мочатать...
Хорошо у вас, девчата,
Неохота узематы! 2 раза

ся: главный герой действительно создал книгу о своих друзьях и современниках, согретую большой человеческой теплотой, озаренную страстью, а Камчадал выпустил холодную, ремесленную поделку, которая будет пылиться на книжных прилавках и не найдется дороги к сердцу читателя.

Много внимания уделяет М. Колесников образам рабочих и инженеров рудника. Главный инженер Екатерина Ярцева, машинисты экскаватора Парыня и Бакаев, инженер Деметьев, начальник рудника Ковергин, рабочие Паутов, Глушаков, Ларевлов и другие — все эти персонажи запомнятся читателю, в них он справедливо увидит выхваченных

из жизни людей, прямых, честных и умных, спокойно делающих свое важное дело, упорно прокладывающих путь в завтрашний день. Эти герои, обладающие самыми различными характерами, едины в своей устремленности в коммунистическое будущее.

Автор повести проявляет острую принципиальность и незурядное мастерство в изображении характеров.

Это особенно наглядно видно в обрисовке героя повести — молодого литератора, инженера Деметьева и некоторых других персонажей.

Тема любви в повести органически сливается с производственной темой, но некоторые эпизоды, рас-

сказывающие о взаимоотношениях главного героя и Катя Ярцевой, об их любви, выглядят, на наш взгляд, несколько узурядно. И все же в этих сценах автор в конечном итоге идет не от условных литературных схем, а от жизни; они поэтичны, монути и привлекают своей свежостью.

Как на недостаток повести можно указать на «скороговорки» в конце книги, отдельные не совсем удачные выражения. Но в целом повесть — интересное и нужное произведение, пронизанное духом партийности, острым чувством современности и актуальности, так характерных для дарования Михаила Колесникова.

Юрий ПУХОВ

X. А. АББАС

ЗЕЛЕНЬ АВТОМОБИЛЬ

Рассказ

Шила направилась к газетному киоску, чтобы купить какой-нибудь иллюстрированный журнал: завтра воскресенье, и она довольна обычного поменяется в постели. Не омыло весело так проводить выходные дни, но это уже вошло в привычку...

Хотя Шила перевалило за тридцать, лицо ее было все еще юным и привлекательным, а фигура сохранила девичью стройность. Шила нравилась многим, и некоторые из ее коллег предлагали ей руку и сердце. Но девушка избегала встреч и вела затворническую жизнь: когда не было уроков, записываясь в своей комнатухе в общешкольные для учительниц и читала. Коллеги по-разному объясняли ее поведение. Одни говорили, что умер человек, которого она очень любила. Другие предполагали, что она тоскует по мужу, который бросил ее... Шила не подтверждала и не отрицала этих слухов, скрывая под загадочной улыбкой свою тайну.

...У киоска толпились люди, спешившие купить вечернюю газету. Шила нигде было торопиться, и она решила пройтись. «Все равно меня никто не ждет», — подумала она, и на лице ее мелькнула та же загадочная улыбка. Может быть, Шилу в самом деле никто не ждал, но она все время ждала, ждала, сама не зная кого...

Когда покупатель стало меньше, Шила обратила внимание на то, что в киоске торгует новый продавец. Еще несколько дней назад на этом самом месте стояла старик с длинной седой бо-

родой. Скрипучим голосом он предлагал ей в шутку выйти за него замуж: «Ну, красавица, еще не надумала? Я всегда готов отдать тебе свое сердце...» Шила не могла хорошо разглядеть нового продавца, но лицо его показалось ей знакомым. Она вдруг почувствовала на себе его пристальный взгляд и чуть не вскрикнула: это был человек, которого она ждала десять долгих лет.

— Гопал! — сорвался с ее уст едва слышимый шепот.

— Вы ошибаетесь, мисс. Я не Гопал, — сказал продавец. — Хотите купить газету или просмотреть журналы? — Он положил перед ней стопку журналов и отвернулся, заговорив с покупателями.

Смущенная его словами, Шила машинально начала перелистывать журналы, но мысли ее были заняты другим. Она то и дело украдкой поглядывала на продавца.

«Бьет молот, и я в самом деле ошиблась! — думала она. — Но как могла в ошибиться, если его черты всегда были в моих мечтах?»

Снова взглянув на человека, стоявшего за прилавком, она сказала себе: «Нет, конечно, это не Гопал. И как я могла подумать! Мой Гопал был здоровым, красивым и жизнерадостным человеком, с веселыми искорками в глазах. А это — полная противоположность...» Она еще раз посмотрела на продавца, который все же чем-то напоминал ей Гопала, и вдруг почувствовала необъяснимую жалость к нему.

На продавце была старая, обтрепанная, бог весть какой странная одежда. Давно уже не касался

гребень его жидких, седеющих на висках волос... Как только она могла принять его за Гопала, за человека, красивее и дороже которого для нее не было никого на свете! Она взяла журнал и подала продавцу деньги, но чуть не уронила монету, взглянув на протянувшуюся за ней руку. Через шесть пальцев, от запястья до среднего пальца, пролегал знакомый ей алый шрам. Она знала, что с такой меткой в мире существует только одна-единственная рука — рука Гопала...

Счастливые дни детства. Далеко-далеко позади остались они. Кажется, с тех пор прошло не двадцать лет, а двадцать веков...

Это случилось еще в 1937 году, когда Шила жила с родителями на окраине Лакора. Она была в них единственной дочерью. По соседству поселились родители Гопала. Взрослые часто ходили друг к другу в гости, вскоре подружился и их дети. Гопал был рослым, длинноногим мальчиком двенадцати лет, а Шила — десятилетней застенчивой девочкой. Он увлекался гимнастикой, велосипедной ездой и плаванием, а она в свободное время училась вязать, шить и вышивать, что, по мнению ее матери, было совершенно необходимо для будущей невесты.

Однажды случилось школьный автобус, и отец предложил Гопалу каждое утро отвозить Шилу в школу на багажнике велосипеда. Мальчику не очень-то хотелось брать на себя такую обузу. «Доброе утро, — сказал он отцу. — Что хорошего, свалится по дороге.

Шила была так испугана словами Гопала, что в первую же отчаянно держалась за его куртку, но очень скоро эти поездки прочно вошли в их жизнь. И когда школьный автобус снова нечаянно курсировал, мальчик сказал отцу Шилы, что незначит тратить десять рублей в месяц на дорогу, если ему, Гопалу, ничего не стоит подвозить Шилу на велосипеде.

Так они стали друзьями. Шилу очень беспокоила привычка Гопала во время езды оборачиваться и смотреть на нее, что-нибудь рассказывая.

— Не оборачивайся, а то еще навлеку на встречу машину! — предупреждала его Шила.

То, чего она боялась, все-таки произошло. Мисс на большой скорости, Гопал делился с ней школьными новостями. Он обертнулся и как раз в это время из переулка неожиданно выехал велосипедист и налетел на них. Шила вскрикнула, потеряла сознание. Она пришла в себя в больнице. Доктор давал ей лекарство и неумолимо говорил: «О ней ничего беспокоиться, у нее нет никаких повреждений». Первая же мысль была о Гопале: «Большо, только бы он остался жив!». Она с облегчением вздохнула, услышав его знакомый смех. Гопал стоял в дверях с перевязанной рукой. Он сказал ей с улыбкой, как будто речь шла о сухих пустаках:

— Всего лишь пять швов, переделываю как-то лямочки, косточки. Жаль, что это правая рука: теперь не смогу участвовать в матче, который состоится в воскресенье. Но зато у меня есть предлог улизнуть от экзаменов...

У киоска уже никого не было.

— Гопал! — прошептала она.

Он оглянулся, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

— Да, Шила... — На этот раз продавец решил сказать правду. Впервые в его словах прозвучало: «Гопал! Но как же он изменился!»

— Как ты поживаешь? — спросила она робко. Шила стеснялась Гопала, стеснялась человека, которого она когда-то любила и которого все еще продолжала любить. Он казался ей в эту минуту совершенно чужим.

— Как видишь, — ответил Гопал, окинув взглядом маленький киоск и свое одеяло.

— Когда ты заворачиваешь киоск? — поинтересовалась она.

— Тогда, — пойдём куда-нибудь, попьём чаю и поговорим, — предложила ему Шила. — Я буду ждать тебя на автобусной остановке.

На бледном, болезненном лице Гопала вдруг простояла озорная улыбка.

— Зачем стоять в очереди на автобус? Я отвезу тебя в автомобиль, — сказал он.

— Не успела Шила прийти в себя от горькой иронии его слов, как он грустно чуть слышно добавил: — Только это не зеленый автомобиль.

Зеленый автомобиль! Упоминание о нем снова обратило мысли Шилы в давнейшую пору юности. После аварии, когда велосипед Гопала находился в починке, она шла как-то сказала:

— Не беспокойся о велосипеде, Шила. Я буду возить тебя в школу в зеленом автомобиле! — У той же улыбки автомобиль — серьезно спросила она.

И Гопал ответил смеясь: — Скоро будет. Вот увидишь!

— Но почему же зеленый? Мне никогда не приходило видеть зеленых автомобилей.

— Я хочу возить тебя в автомобиле, какого ни у кого нет и не будет.

Конечно, это была шутка. Но со временем, когда школьная дружба переросла в любовь, зеленый автомобиль стал символом их счастливого будущего и приобрел значение, известное только им одним.

Шли годы. Однажды Гопа, будучи уже студентом, спросил ее: — Скажи, Шила, поедешь ли ты со мной в моем зеленом автомобиле?

— Поеду, Зелено! — ответила девушка.

— До конца?

— До самого конца пути! — заревела Шила, — и непременно, непременно в зеленом автомобиле! — добавила она.

— Ну, конечно же! — оживился Гопа. — Его цвет будет соответствовать цвету твоей нисавы. Каждый вечер, каждое воскресенье мы будем отправляться за город, далеко-далеко, туда, где нас никто не знает...

И вдруг зеленый автомобиль — смелый любовник и счастья — разбился, разбился, не выехав на дорогу. Англичане разделили Индию на две части. Миллионы людей по обе стороны новой границы были вынуждены покидать насиженные места. Этот насильственный раздел страны разлучил братьев и сестер, мужей и жен, отцов и матерей. Шила лишилась родителей, стала беженкой. Она повсюду разыскивала Гопа, в лагерях и колониях для беженцев, на шумных базарах и в тихих больничных палатах, на улицах и даже в морге. Но Гопа бесследно исчез. Все эти дела — почти пять лет она ждала его и надеялась...

И вот он сидит сейчас рядом с ней в углу прокуренного ресторана. Слава Богу, он жив! Правда, это уже не тот Гопа, который мечтал с ней когда-то о зеленом автомобиле. Что-то умерло в нем.

После того как Гопа рассказал ей, что документы, дающие ему право на получение колониации за имущество отца, остались в Пакистане, она спросила его:

— А ты не пытался найти себе работу? Я имею в виду работу лучше, чем продажа хлеба. Ведь ты кончил колледж...

— Да, пытался. Но без перспектив нельзя получить хорошую работу. Меня утомили безуспешные поиски, и я покорился судьбе.

— Ну, а потом как у тебя сложилась жизнь?

— Потом я заболел и долгое время лечился в благотворительном госпитале. Там меня несколько раз оперировали. С пациентами-бедняками доктора обращались, как с собаками. Однажды я не выдержал надеждальств и ударил одного из них. После этого меня признали сумасшедшим.

— Сумасшедшим? Тебя?

— Да, признали умалишенным и отправили в сумасшедший дом. Я действительно там чуть не спятил с ума. Но, на мое счастье, больница была переполнена, и меня вскоре выписали. Тогда-то я твердо решил оставить борьбу... Я решил спать там, где не нужно вставать за ночь, чтобы не слышать больших отказов, оскорблений, я дал себе слово никого ни о чем не просить.

— О милый, милый Гопа! Как

жестко общался с тобой судьба! — Шила еще больше стало жаль его, но она не сразу поняла, как далеко зашел он в своем отчаянии. — У тебя такой болезненный вид, Гопа! Разреши мне показать тебе хорошему врачу. Давай отправимся к нему завтра же.

— Я не пойду. Раз мне суждено умереть, я обязательно умру, и никакие врачи мне не помогут. Тогда ей стало ясно: в нем умерла вера в свои силы, воля к жизни.

— Я знаю, что ты много выстрадал, много потерял, — заговорила она вразумительно. — Но ведь и я и миллионы других людей в Индии и Пакистане пережили не меньше. Тебе, может быть, пришлось труднее, не спорю, но ведь, пройдя через все муки, не потеряли надежду. Посмотри, как они трудятся, как строят для себя новую жизнь. Почему же ты сдался!

Гопа взглянул на нее, и она снова прочла в его взгляде грустную покорность.

— У них есть надежда, — сказал он, отвечая на ее слова, — а у меня нет надежды; они собираются жить, а я уверен, что скоро умру.

— Кто сказал тебе это? Доктор!

— Не говори мне о докторе. Они умеют отравлять лекарствами, но не в силах продлить человеческую жизнь, которая предопределена звездами.

Шила с ужасом подумала о том, что сделали с ее Гопаю годы разочарований и неудач, годы безработицы и болезни. Они превратили жизнеспособного юношу в безнаденного pessimista. Он словно уверовал в то, что ему суждено быть вечным неудачником, что ему уже никогда не избавиться от неудач. Он смотрел на свою ладонь и с мрачным удовлетворением отмечал, что его «лния» жизни день ото дня сокращается. Он равнодушно шел навстречу смерти, без борьбы, без сопротивления.

— Звезды говорят мне правду. Да, я знаю, когда именно наступит мой последний час. Это случится до пятнадцатого октября. Бесповоротно идти против судьбы. Человек слишком слабое существо: он бессильно изменить приговор вселильных звезд.

Гопа умолил и принял пить чай, который давно остыл.

— Я ценю твою попытку помочь мне, Шила, — заговорил он

снова. — Но уговоры бесполезны. И, кроме того, я не хочу тащить тебя за собой. Поэтому прощай и будь счастлива. Постарайся забыть меня. Меня и... зеленый автомобиль.

Он встал и, открыв дверь, ушел в темную, душную ночь. Это произошло так быстро, что Шила не успела его остановить.

На следующий день она прежде всего направилась к газетному киоску. Гопапа здесь не было. Ей сказали, что накануне он попросил хозяина освободить его от работы.

Прошло несколько месяцев, и Шила снова встретила его. Она не поверила своим глазам. Хотя вид у Гопапа был такой же болезненный и одежда его почти не отличалась от прежней, нельзя было не заметить, что с ним что-то произошло, что-то преобразило его. Шетина на подбородке исчезла. Кожа стала так приятно отглажен. Но больше всего ее поразили глаза Гопапа. В них не было грусти. Они светились радостью и наполнили ей о том Гопапе, которого она знала десять лет назад.

Шила подбежала к нему.

— Как я рада видеть тебя так, Гопа! — воскликнула девуш-

ка. Она была счастлива и удивлена.

— Ты хочешь знать, что случилось со мной, не правда ли?

Она кивнула головой, с волнением ожидая, что скажет он еще. — Я решил бороться за жизнь, за мое будущее. Я узнал, что человек не такой уже бессильный и что не все зависит от звезд.

Она с удовольствием прислушивалась к его голосу, который звучал теперь совсем по-другому. Она сначала даже не поняла, о чем говорит Гопал.

— Я считал себя немалочлимым,— продолжал он.— Я не верил, что смогу когда-нибудь получить хорошую работу, что у меня будет зеленый автомобиль... А теперь...— Он умолк и с нежностью взглянул ей в глаза.

У нее радостно забилось сердце. Она почувствовала, что прежний Гопал каким-то чудом возвращается к ней.

— А теперь! — повторила она шепотом. Ей хотелось скорее выслушать его до конца.

— А теперь я узнал, что ничего невозможного нет. Разве ты не читала последние новости?

Он протянул ей утреннюю газету, и она увидела на первой странице крупный заголовок: «Человек успешно бросил вызов звездам, посыл в космическое пространство маленькую лунку. То была мировая сенсация. Но Шила не поняла, какое это имеет отношение к Гопалу.

— Выслушай меня, и ты все поймешь,— продолжал он.— Я хотел сказать, что если человек смог создать звезду, то он сможет сделать все что угодно. Но для этого нужно без усталы работать, бороться и верить. Я убежден, что если бы русские устали не верили в то, что было задумано нами, они никогда не достигли бы успеха. Что значит выделиться от асты или найти работу по сравнению с тем, что они сделали!

— Значит, звезда была неправы! — обрадовалась Шила.— А не забыл ли ты, какое сегодня число? Сегодня как раз пятые октябрь!

В этот же день Шила повела своих учеников в университетскую обсерваторию. Каждый горел нетерпением скорее увидеть маленькую лунку. У телескопа образовалась такая толпучка, что Шила уронила на паркет очки, и стекла разбились вдребезги.

— Смотрите, смотрите, вон она!.

Как Шила ни напрягала зрение, но без очков ей ничего не удалось разглядеть. Она видела только расплывчатые пятна звезд. А между тем спутник уже промчался по небосклону и исчез за горизонтом, чтобы совершить свой следующий оборот вокруг Земли.

— Я видел его. Он круглый и плоский, как блюдечко! — с восторгом сказал один из учеников. Но другой решительно опроверг его утверждение.

— Нет, ты неправ! Я тоже видел его. Он продолговатый, как косточка манго!

— А я говорю тебе, что он похож на блюдечко!

— Нет, нет! Он похож на косточку манго!

— Госпожа учительница, скажите, на что похож спутник?

— Мне показалось, дети, что он похож... что он похож на зеленый автомобиль! — сказала она с улыбкой.

Перевод

Л. МОРОШКИНОЙ.

Когда одного бизнесмена, побывавшего в Советском Союзе, спросили, какая отрасль промышленности больше всего развита в СССР, он ответил:

— Промышленность восстановления человеческого здоровья. Конечно, у бизнесмена была своеобразная манера выражаться, но суть дела он уловил правильно. — Да действительно, главной заботой нашего государства является человек, его здоровье, благосостояние, счастье! Особенно ярно эта забота проявилась в нашем новом экономическом плане развития страны, имя которому с е м и л е т и а. Только в этом году на отходы советских людей отпущено 2 242 миллиарда рублей!

Девушку, фотография которой помещена на обложке нашего журнала, зовут Тамара Гулева.

— Тамара, может быть, вы сами представите нашим читателям в Центральном научно-исследовательском институте технологии и машиностроения.

— Как вы отдохнули?

— Великолепно! Я так люблю море!

— Расскажите, пожалуйста, о том, что сейчас происходит у Черного моря? А наш фотокорреспондент М. Мурзоров поможет вам.

— Хорошо...

— Так и в блюдце утонуть можно!

— Мне тоже было страшно в первый раз!
входить в море...

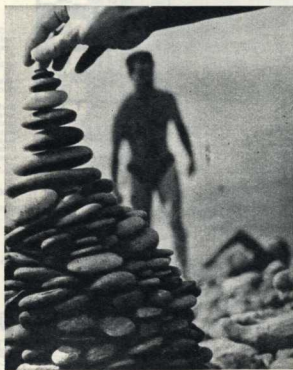
— Странно, но у моря дети взрослеют...

— ...а вот взрослые впадают в детство!

— Пока он решится сделать очередной ход...

— ...можно успеть построить пирамиду
Хеопса!

— А это супруги-амфибии. Неплохо!

— Я тоже однажды заплывла далеко, а потом
выслушала нотации... Хорошо, что не
оштрафовали...

— А что там, «в некотором царстве, в неко-
тором государстве»?

— Я люблю вечерние пейзажи!
И этот силуэт не портит их очаро-
вания, правда?

ЗАКОНЧИЛСЯ ПЕРВЫЙ ТУР

Лучшие решения читателей

Жюри IV шахматной олимпиады «Смена» завершило работу по оценке решений десяти задач первого тура высшего эшелонного соревнования, в котором участие принимали представители с половиной тысяч читателей. Письма — индивидуальные и коллективные — поступили из многих городов и сел нашей страны, а также из Болгарии, Польши, Румынии и КНР.

Послуживает бы отметить общий высокий уровень сообразительности полученных ответов. Средний результат 13,5 балла из 20 возможных — весьма показательный, особенно

если учесть трудность доброй половины композиций. Однако жюри вынуждено было несколько снизить оценки отдельным участникам этого раздела олимпиады (не давая из-за неточностей в анализе, чрезмерного оптимизма и ошибок, допущенных в шахматной нотации).

Лучшим признаны решения 14 задач, представленные 44 читателями. Среди них — наказы на которых получили не менее 16 баллов: Первого раздела олимпиады признаны победителями первого раздела олимпиады специальными дипломами

имени В. И. Ленина, Маяковского района, Грузинской ССР, Миндариана, Ахонзон, с Орбел, Гягерского района, Грузинской ССР, Г. Молодова, колхозник сельхозтарата «Красное Черноморье», Татарстанской области, Татарской АССР, Г. Янгарова, инженер-механик по холодильным установкам, гор. Кудубеки, Татарской области, К. Колелети и шахматиста в подразделении флота, подводный командир, подводный офицер А. Пучковский, А. П. Чибриков, 4-й средней школы гор. Николаевки, В. П. Суворов, студент механико-математического факультета, Азербайджанского университета К. Сириери, студент механико-математического факультета, гор. Ашхабада, Л. Сириери, студент механико-математического факультета, Туркменской ССР, С. Словсарян, инженер, гор. Москва, Т. Сарсенова, учитель, ст. Агасар, Армения, инженер-проектировщик машиностроительной станции, гор. Кудубеки, Татарской области, Ю. Федорович, студент Иркутского горнометаллургического института, Л. Шляков, учитель, село Чеботарька, Кузнецкой области, Иркутской области.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

(В сокращенном виде)

- № 1 — 1.** Фd1 Крd4 2. Кf3; **2.** Кf6 3. Фd6x1; **4.** Кe4 2. Кf6x3; **2.** Кf7 1. Фd1 Крd4 2. Кf3; **3.** Кf6x3 2. Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **4.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **5.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **6.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **7.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **8.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **9.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **10.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **11.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **12.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **13.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **14.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **15.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **16.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **17.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **18.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **19.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **20.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **21.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **22.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **23.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **24.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **25.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **26.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **27.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **28.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **29.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **30.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **31.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **32.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **33.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **34.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **35.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **36.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **37.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **38.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **39.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **40.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **41.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **42.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **43.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **44.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **45.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **46.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **47.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **48.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **49.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **50.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **51.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **52.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **53.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **54.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **55.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **56.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **57.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **58.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **59.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **60.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **61.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **62.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **63.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **64.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **65.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **66.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **67.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **68.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **69.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **70.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **71.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **72.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **73.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **74.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **75.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **76.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **77.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **78.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **79.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **80.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **81.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **82.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **83.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **84.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **85.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **86.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **87.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **88.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **89.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **90.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **91.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **92.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **93.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **94.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **95.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **96.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **97.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **98.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **99.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **100.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **101.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **102.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **103.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **104.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **105.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **106.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **107.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **108.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **109.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **110.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **111.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **112.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **113.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **114.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **115.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **116.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **117.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **118.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **119.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **120.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **121.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **122.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **123.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **124.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **125.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **126.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **127.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **128.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **129.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **130.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **131.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **132.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **133.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **134.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **135.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **136.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **137.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **138.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **139.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **140.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **141.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **142.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **143.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **144.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **145.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **146.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **147.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **148.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **149.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **150.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **151.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **152.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **153.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **154.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **155.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **156.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **157.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **158.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **159.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **160.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **161.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **162.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **163.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **164.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **165.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **166.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **167.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **168.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **169.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **170.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **171.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **172.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **173.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **174.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **175.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **176.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **177.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **178.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **179.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **180.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **181.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **182.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **183.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **184.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **185.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **186.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **187.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **188.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **189.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **190.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **191.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **192.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **193.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **194.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **195.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **196.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **197.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **198.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **199.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **200.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **201.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **202.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **203.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **204.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **205.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **206.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **207.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **208.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **209.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **210.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **211.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **212.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **213.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **214.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **215.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **216.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **217.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **218.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **219.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **220.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **221.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **222.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **223.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **224.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **225.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **226.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **227.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **228.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **229.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **230.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **231.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **232.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **233.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **234.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **235.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **236.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **237.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **238.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **239.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **240.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **241.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **242.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **243.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **244.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **245.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **246.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **247.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **248.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **249.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **250.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **251.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **252.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **253.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **254.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **255.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **256.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **257.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **258.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **259.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **260.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **261.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **262.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **263.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **264.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **265.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **266.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **267.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **268.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **269.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **270.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **271.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **272.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **273.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **274.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **275.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **276.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **277.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **278.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **279.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **280.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **281.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **282.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **283.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **284.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **285.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **286.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **287.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **288.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **289.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **290.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **291.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **292.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **293.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **294.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **295.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **296.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **297.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **298.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **299.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **300.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **301.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **302.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **303.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **304.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **305.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **306.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **307.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **308.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **309.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **310.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **311.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **312.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **313.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **314.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **315.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **316.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **317.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **318.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **319.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **320.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **321.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **322.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **323.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **324.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **325.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **326.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **327.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **328.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **329.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **330.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **331.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **332.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **333.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **334.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **335.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **336.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **337.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **338.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **339.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **340.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **341.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **342.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **343.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **344.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **345.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **346.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **347.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **348.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **349.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **350.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **351.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **352.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **353.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **354.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **355.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **356.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **357.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **358.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **359.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **360.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **361.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **362.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **363.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **364.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **365.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **366.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **367.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **368.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **369.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **370.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **371.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **372.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **373.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **374.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **375.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **376.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **377.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **378.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **379.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **380.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **381.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **382.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **383.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **384.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **385.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **386.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **387.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **388.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **389.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **390.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **391.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **392.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **393.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **394.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **395.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **396.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **397.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **398.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **399.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **400.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **401.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **402.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **403.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **404.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **405.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **406.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **407.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **408.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **409.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **410.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **411.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **412.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **413.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **414.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **415.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **416.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **417.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **418.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **419.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **420.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **421.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **422.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **423.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **424.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **425.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **426.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **427.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **428.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **429.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **430.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **431.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **432.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **433.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **434.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **435.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **436.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **437.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **438.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **439.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **440.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **441.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **442.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **443.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **444.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **445.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **446.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **447.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **448.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **449.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **450.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **451.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **452.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **453.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **454.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **455.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **456.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **457.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **458.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **459.** Кf7 Крd4 2. Фd6x3; **460.** Кf

Лятая, весенняя.

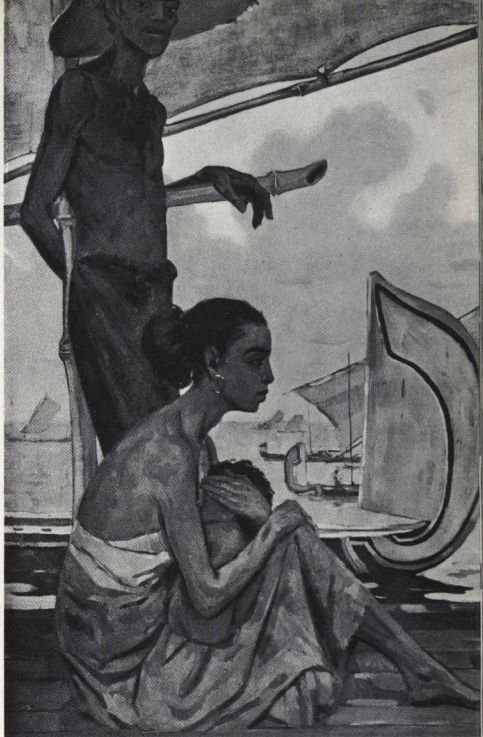
Закрылася лятая, весенняя выстаўка произведений
малодых мастакоў Мінска. Мы воспрыводзім на
гэтай старонцы некалькі рэпрадукцый з карцін і
рысункаў.

Н. Ермолаев. Москва індустрыяльная.

Г. Гамазін. Рыбачыя баркасы.

А. Шмарінов. Воспамінання аб Інданезіі.

Я. Манухі. Траўніка.

Цена номера
2 руб.

